Черная Книга германскихъ звѣрствъ

Черная Книга германскихъ звѣрствъ.

Подъ редакціей и со вступительною статьею
д-ра М. В. ГОЛОВИНСКАГО.

1-ая тысяча.

Цѣна 60 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1914.

Типографія „Орбита“, С.-Петербургъ, Ижорская, 11

Русскому читателю.

Дѣйствительность иногда бываетъ неожиданнѣе всякой фантазіи и ужаснѣе всякаго кошмара. Намъ не нужно ни сильныхъ выраженій, ни красочныхъ сравненій для того чтобы изобразить весь ужасъ передаваемыхъ нами фактовъ, которые всякаго безпристрастнаго историка заставятъ записать современныхъ нѣмцевъ въ „Черную книгу" варваровъ и дикарей. Безконечный вопль страданій несчастной Туганъ-Барановской, у которой сдираютъ кожу съ черепа, плачъ дѣтей героя долга казначея Соколова, искалѣченныя жизни изнасилованныхъ въ Ченстоховѣ, крики несчастныхъ сошедшихъ съ ума во время ужаснаго обратнаго путешествія изъ Германіи, всѣ эти картины такъ живо стоятъ передъ глазами каждаго русскаго, что не нуждаются въ особомъ художественномъ талантѣ для ихъ изложенія.

Нѣмцы доказали, что обученіе маршировкѣ и совершенствованія въ машинномъ производствѣ, индустріализація жизни и развитіе промышленности могутъ быть совершенно чужды культурѣ духа.

Тяжелая прусская каска оказалась гасильникомъ нѣмецкаго духа, и грѣхъ вырванныхъ съ кровью Франціи изъ ея сердца областей не былъ прощенъ нѣмецкой культурѣ. Нѣмецкій духоносецъ постепенно превратился въ юркаго и хвастливаго, безсердечнаго коми-вояжера, съ приподнятыми усами а-ля-Вильгельмъ, и, наконецъ, упалъ до состоянія грабителя, дикаря и насильника женщинъ, истязателя дѣтей и стариковъ.

У такого народа нѣтъ алтаря, духъ его покинулъ и никакія пушки не могутъ защитить его отъ распаденія: онъ задохнется въ слезахъ и крови невинныхъ — онъ самъ изрекъ надъ собой приговоръ.

Намъ русскимъ чужды чувства мести, но справедливая кара за преступленія германцевъ — наша обязанность и нашъ долгъ.

Замученная нѣмцами.

За нѣсколько дней до начала войны, въ Берлинъ для лѣченія отправилась жена директора канцеляріи министерства путей сообщенія Н. А. Туганъ-Барановская, которая была помѣщена въ одной изъ берлинскихъ лечебницъ. Ожоги на лицѣ, которыми она страдала, требовали тщательнаго лѣченія и постоянныхъ перевязокъ; несмотря на это, нѣмцы предложили Н. А. Туганъ-Барановской немедленно оставить лечебницу и отправиться въ Россію.

По пути въ Россію въ Бреславлѣ она была застигнута объявленіемъ войны. Здѣсь на вокзалѣ, узнавъ, что она Русская, ее объявили арестованной, отправили въ тюрьму, гдѣ она просидѣла три дня. Въ тюрьмѣ ей сначала дали сундукъ, на который она могла прилечь. Потомъ, однако, солдаты раздумали, отняли сундукъ, избили, сорвали повязки, наложенныя послѣ операціи, и больной женщинѣ пришлось лежать на голомъ полу.

Черезъ трое сутокъ полуголодную (въ тюрьмѣ Русскихъ держали почти впроголодь) Н. А. Туганъ-Барановскую, находившуюся въ очень тяжеломъ положеніи, бросили въ товарный вагонъ, довезли до границы и здѣсь выбросили изъ вагона. Черезъ нѣкоторое время полумертвую женщину нашелъ нашъ разъѣздъ и доставилъ до ближайшей станціи.

Только въ Калишѣ она встрѣтила сердечный пріемъ со стороны какъ польскаго, такъ и еврейскаго общества и военныхъ властей и могла вернуться въ Петербургъ.

Измученная, въ конецъ больная, Н. А. Туганъ-Барановская съ трудомъ прибыла въ Петербургъ, гдѣ, несмотря на энергичную врачебную помощь, въ страшныхъ мученіяхъ скончалась.

Смерть Н. А. Туганъ-Барановской послѣдовала отъ зараженія крови, явившейся слѣдствіемъ сорванныхъ съ лица повязокъ.

Тѣ — которые вернулись...

Уже 17-го іюля, въ четвергъ, начался быстрый наплывъ русскихъ въ Берлинъ, изъ западной Германіи и Франціи, подъ вліяніемъ тревожныхъ слуховъ, проникшихъ въ Германію изъ Россіи. Къ вечеру въ этотъ день гостиницы были переполнены пріѣзжими и номера почти невозможно было достать. Съ пятницы началось паническое бѣгство изъ Берлина на Вержболово. Поѣзда брались съ бою; многіе садились въ вагоны безъ билетовъ и покупали право на переѣздъ въ Россію уже въ пути.

Къ этому времени въ Берлинѣ скопилось свыше 50,000 русскихъ путешественниковъ. Въ мѣняльныхъ лавкахъ брали только русское золото и платили за сто рублей сто марокъ.

Съ вечера въ пятницу, поѣзда брались съ бою. Для того, чтобы попасть и какъ-нибудь устроиться въ вагонѣ, нужно было ѣхать на ту станцію, гдѣ составлялся данный поѣздъ и занимать мѣсто первымъ. Послѣднимъ по прусскому росписанію вышелъ поѣздъ со станціи Шарлоттенбургъ—Берлинъ въ 8 час. утра въ субботу.

Этотъ поѣздъ былъ составленъ изъ ряда вагоновъ заказанныхъ чуть-ли не за мѣсяцъ до отправленія и только одинъ вагонъ принялъ публику спасавшуюся отъ катастрофы. Въ купэ сидѣли вмѣсто шести—8 и 10 человѣкъ, стояли въ проходахъ, на площадкахъ, на подножкахъ; притиснутые безпомощно высовывались въ окна.

Въ пути, сперва все было благополучно. Какъ всегда, прошелъ контроль, провѣряя билеты. Поѣздъ мчался и ничто не свидѣтельствовало о необычайности обстановки. Только близъ крѣпости, на станціи Диршау, поссажиры почувствовали, что они ѣдутъ по территоріи вражеской страны. Передъ Диршау къ начальнику станціи подошелъ оберъ-кондукторъ и получилъ отъ него какое-то приказаніе, на которое отвѣтилъ:

— Конечно, я предупрежу всѣхъ поссажировъ, но не могу ручаться, что всѣ услышатъ это распоряженіе.

Когда поѣздъ тронулся, оберъ-кондукторъ прошелъ по вагонамъ и громко предупредилъ пассажировъ, чтобы ни одинъ человѣкъ не смѣлъ подходить къ окнамъ и чтобы всѣ занавѣски были опущены. На подножкахъ каждаго вагона стояли прусскіе солдаты съ ружьемъ на прицѣлѣ, готовые стрѣлять въ каждаго человѣка, который покажется изъ окна.

Какъ выяснилось впослѣдствіи, мѣра эта была принята для того, чтобы скрыть отъ ѣдущихъ въ Россію саперныя работы,

производившіяся подъ желѣзнодорожнымъ мостомъ черезъ Вислу.

Та же исторія повторилась подъ крѣпостью Маріенбургъ, тоже у моста. Только въ 7 час. 55 мин. вечера русскій поѣздъ минута въ минуту по росписанію подошелъ къ дебаркадеру станціи Эйдткуненъ и остановился.

Ни одинъ пассажиръ не вышелъ на платформу, ожидая дальнѣйшаго слѣдованія до Вержболово и лишь, когда на станціи раздалась зычная команда—„Всѣмъ выходить! Выносить весь багажъ!".—пассажиры вышли на перронъ.

Здѣсь, полные олимпійскаго величія, расхаживали два прусскихъ полковника въ сопровожденіи молодого лейтенанта. Къ нимъ и бросилась пріѣхавшая публика съ разспросами.

Только тутъ пассажиры узнали, что сообщенія съ Россіей больше не существуетъ; и что всѣмъ пріѣхавшимъ предлагается немедленно возвратиться съ тѣмъ же поѣздомъ или въ Берлинъ, или въ Кенигсбергъ.

Пассажиры, большинство изъ коихъ не обладали нужными средствами въ германской валютѣ, чтобы еще прожить въ Германіи, просили офицеровъ выпустить ихъ изъ Эйдткунена въ Вержболово.

Послѣ долгихъ переговоровъ старшій изъ полковниковъ указалъ пассажирамъ рукою въ темноту надвигающейся ночи и сказалъ:

— Ступайте, если хотите, но я не ручаюсь что русскіе не будутъ стрѣлять по васъ. Если васъ не примутъ, возвращайтесь обратно, и мы васъ отправимъ въ Берлинъ.

Близость родной земли и перспектива ужасовъ пребыванія во вражеской странѣ принудили нѣсколько сотъ человѣкъ пуститься въ абсолютной темнотѣ по лужамъ, по щиколку въ грязи, въ Вержболово.

На мосту, раздѣляющемъ Эйдткуненъ отъ Вержболово, внезапно изъ темноты раздался окликъ:

— Кто идетъ? Стой или будемъ стрѣлять!

Передъ испуганными пассажирами выросли шесть силуэтовъ бравыхъ пограничниковъ съ винтовками на прицѣлѣ.

Среди путешественниковъ нашлись нѣсколько запасныхъ офицеровъ и одинъ полковникъ, который и вступилъ въ переговоры съ постомъ.

Послѣ заявленія офицера одинъ изъ нижнихъ чиновъ былъ снаряженъ на ближайшій кордонъ за разрѣшеніемъ пропустить путешественниковъ и ускакалъ.

Кругомъ царила глубокая тьма. Пассажиры стояли на мосту. какъ стадо овецъ въ густой и липкой грязи и лужахъ, образовавшихся послѣ недавняго дождя. Было прохладно, и вскорѣ поднялся пронизывающій вѣтеръ.

Наиболѣе слабые изъ пассажировъ садились въ грязь, ложились въ лужи, не имѣя силъ стоять долѣе.

Станція Вержболово съ погашенными огнями притаилась гдѣ-то въ сторонѣ.

Внезапно появился снопъ лучей потайного фонаря, и къ нѣмой отъ усталости и страха толпѣ подошелъ молодой офицеръ, освѣщая лица путешественниковъ электрическимъ фонаремъ.

Узнавъ отъ солдатъ, въ чемъ дѣло, офицеръ спѣшно вызвалъ жандармовъ со станціи. Черезъ двадцать минутъ появились нѣсколько жандармскихъ унтеръ-офицеровъ, бѣгло просмотрѣли паспорта и, наконецъ, разрѣшили переступить завѣтный порогъ родной земли. Въ слезахъ, заплетающимися шагами, перегруженные чемоданами, сумками и корзинками (крупный багажъ былъ брошенъ въ Эйдткуненѣ), несчастные путешественники кое-какъ доплелись до станціоннаго зданія Вержболовскаго вокзала.

У дебаркадера стоялъ готовый поѣздъ, который и былъ предоставленъ пропущеннымъ черезъ границу пассажирамъ.

Нѣсколько человѣкъ, не выдержавъ 4-часового стоянія на мосту, возвратились обратно, не безъ труда, въ Эйдткуненъ.

Не безъ труда потому, что увидѣвъ, что русскіе вступили въ переговоры съ пограничниками, нѣмцы закрыли цѣпь на своей сторонѣ и забаррикадировали проѣздъ на Эйдткуненъ телѣгами и другими громоздкими предметами.

Въ часъ ушелъ поѣздъ съ бѣглецами.

Прибывшій изъ Вержболова 22-го іюля контролеръ русской таможни въ Вержболовѣ, І. В. Лавровъ, разсказываетъ:

— У насъ никто не ожидалъ войны. Ни нѣмецкое населеніе Эйдткунена, ни русское въ посадѣ Кибарты (возлѣ станціи Вержболово), не измѣняли порядка жизни, ни своихъ взаимоотношеній.

Правда недѣли за двѣ до объявленія войны мы стали замѣчать въ таможнѣ пониженіе платежей по заграничнымъ товарамъ. Но это явленіе, обычное и для нормальнаго быта, связано съ биржевыми затрудненіями, и, такъ какъ оно совпало по времени съ наблюдавшейся у насъ еще до конфликта Австріи съ Сербіей биржевой тревогой, то это явленіе не могло вызвать какихъ-либо исключительныхъ толкованій. Жизнь шла обычной чередой.

Нѣсколько позднѣе стало замѣчаться напряженное настроеніе въ нѣмецкомъ населеніи. Но и оно не было рѣзко выражено, не сказывалось на нормальномъ порядкѣ жизни.

Даже нѣмецкое купечество Эйдткунена не подозрѣвало возможности войны, и никакой тревоги въ дѣловыхъ отношеніяхъ не проявляло. Русское населеніе Вержболова и того менѣе ожидало катастрофы.

Только съ момента объявленія Австріей войны Сербіи начинается тревожное настроеніе, очень быстро нарастающее. Но и то отношенія русскаго и нѣмецкаго населенія оставались вполнѣ нормальными.

Первые признаки враждебности стали проявляться со стороны прусскихъ жандармовъ, которые уже съ 15—16 іюля стали проявлять особую придирчивость къ пропускамъ служащихъ при переходѣ послѣдними границы. 18-го іюля наша таможня окон-

чательно перестала функціонировать и стала спѣшно убирать документы и имущество и готовиться къ выѣзду.

Въ эти дни начали усиленно прибывать русскіе подданные изъ-за границы. Движеніе поѣздовъ было уже затруднено.

Вмѣстѣ съ пріѣзжающими изъ-за границы уѣзжало и мѣстное населеніе изъ Кибартъ и окрестностей. Наплывъ пассажировъ увеличивался, а составъ поѣздовъ изсякалъ.

Наблюдались тяжелыя картины. Женщины и дѣти простаивали по 12 часовъ въ ожиданіи мѣстъ. Послѣдній поѣздъ изъ-за границы съ русскими прошелъ черезъ Вержболово безпрепятственно 19-го іюля около 5 ч. вечера. Къ 12 ч. ночи съ 19-го на 20-е была принята нами послѣдняя партія русскихъ изъ Германіи.

Ихъ положеніе, по разсказамъ пассажировъ, было полно трагизма.

Довезя ихъ до Эйдткунена, прусскіе жандармы безцеремонно высадили ихъ изъ вагоновъ. Проходя по вагонамъ, жандармы грубо кричали русскимъ:

— Вонъ! Вонъ! Идите на русскую рогатку, если тамъ васъ примутъ.

Пассажирамъ пришлось пройти черезъ границу до русской пограничной рогатки—около полуверсты—пѣшкомъ, таща на себѣ багажъ. Свыше пяти часовъ они простояли на мосту, ожидая пропуска. Кое-какъ добрались, наконецъ, до вокзала.

20-го іюля прекратилось совершенно движеніе поѣздовъ изъ Германіи. Большинство русскихъ успѣло изъ Вержболова выѣхать въ Россію. Въ Вержболовѣ осталось свыше 500 русскихъ; часть ихъ не упѣла попасть въ поѣзда, другіе и ранѣе предполагали остаться въ Кибартахъ.

Чины таможни выѣхали изъ Вержболова 20-го іюля въ 3 часа утра по телеграммѣ военнаго министра объ объявленіи войны. За ними еще были пущены два поѣзда. То были послѣдніе поѣзда съ русской границы изъ Вержболова.

Передаютъ, что сообщеніе по пограничному телеграфу оборвалось на полусловѣ: успѣли передать: „объявлена в....“.

На буквѣ „в“, изъ слова „война“ телеграфъ замолкъ.

Одинъ изъ числа выѣхавшихъ въ послѣднія минуты изъ Берлина професс. С. такъ передаетъ свои впечатлѣнія:

— Такого униженія, какое пришлось пережить мнѣ и моимъ спутникамъ, я не испытывалъ никогда въ жизни.

Мы выѣхали въ четвергъ въ 9 часовъ вечера, изъ Люцерна. Вагоны брались съ бою. Въ публикѣ, состоявшей главнымъ образомъ изъ Русскихъ, распространялись самыя невѣроятныя извѣстія. Переѣздъ до Берлина прошелъ безъ всякихъ инцидентовъ. Замѣтно было только, что многіе Русскіе скрывали свою національность, боясь стать предметомъ враждебныхъ выходокъ. Очень многіе пассажиры, которыхъ я принималъ за нѣмцевъ, потомъ оказались соотечественниками.

Въ Берлинъ мы пріѣхали въ 6 часовъ вечера съ опозданіемъ.

Въ тотъ же день, въ пятницу, 18 іюля, мнѣ удалось получить два мѣста на 12-часовой поѣздъ, отходящій въ Эйдткуненъ черезъ Кенигсбергъ. На вокзалѣ Фридрихштрассе была невообразимая давка. Стояла сплошная многотысячная, совершенно безпомощная толпа Русскихъ, обезпокоенныхъ тѣмъ, что, по слухамъ, отходившій поѣздъ былъ послѣдній. Носильщиковъ совершенно не было видно, а тѣ, которые показывались, отказывались нести багажъ. Выходъ на дебаркадеръ былъ заваленъ грудами багажа, который администрація выбрасывала изъ багажныхъ вагоновъ. Съ большимъ трудомъ, уплативъ 14 марокъ какому-то субъекту, мнѣ удалось пронести багажъ до вагона.

Вагоны набились сплошной стѣной. Большая часть Русскихъ все-таки осталась на перронѣ вокзала.

До Кенигсберга мы ѣхали блогополучно. Здѣсь къ намъ въ поѣздъ были посажены солдаты. Они расположились на послѣднихъ ступенькахъ вагона съ ружьями, направленными вдоль поѣзда. Пассажиры были предупреждены, что всякій, кто высунетъ голову изъ вагона, будетъ пристрѣленъ.

Офицеръ, командовавшій солдатами, потребовалъ:

— Спустить шторы!

Шторы спустили. Черезъ минуту новый приказъ:

— Поднять шторы!

Когда одной старухѣ понадобилось выйти на площадку, стоявшій рядомъ солдатъ кинулся на нее со штыкомъ. Упавшую въ обморокъ старуху унесли русскіе пассажиры.

По пріѣздѣ въ Эйдткуненъ русскіе пассажиры подверглись издѣвательству, которое продолжалось около трехъ часовъ сряду. Первоначально намъ заявили въ наглыхъ выраженіяхъ, что Россія не желаетъ принимать своихъ подданныхъ. Потомъ было отдано приказаніе:

— Выйти изъ поѣзда и выстроиться.

Пожилыхъ людей, не слишкомъ быстро выполнившихъ приказъ, выталкивали изъ вагона и нѣкоторыхъ даже сталкивали внизъ со ступенекъ.

Выстроились. Къ намъ подошелъ жандармскій офицеръ и потребовалъ паспорта. Начался дождь, но намъ не разрѣшали войти въ вагонъ. Что все это были формальности, устроенныя чисто съ цѣлью издѣвательства видно хотя бы по тому, что жандармскій офицеръ просматривалъ наши паспорта, держа ихъ кверху ногами.

Послѣ того, какъ мы сѣли въ вагоны, намъ заявили, чтобы мы брали свой багажъ и пѣшкомъ отправлялись въ Вержболово. Снова мы выстроились у самой станціи. Затѣмъ снова скомандовали:

— Садитесь въ вагонъ:

Поѣздъ тронулся медленно, проѣхавъ до границы. Здѣсь мы простояли минутъ 20. Затѣмъ насъ передвинули на запасный путь и объявили, что насъ повезутъ обратно въ Берлинъ. Паника среди пассажировъ достигла крайняго предѣла. Намъ не позволяли выходить изъ вагона, и снова заявили, что русскія власти

отказываются принять пассажировъ. Мы выбрали депутацію и попросили разрѣшенія переговорить по телефону съ комендантомъ вержболовской станціи. Но депутатовъ грубо заставили обратно сѣсть въ вагоны и дожидаться тамъ дальнѣйшихъ рѣшеній германской администраціи.

Минутъ черезъ 45 поѣздъ наконецъ тронулся и подошелъ къ Вержболову.

Въ поѣздѣ, подошедшемъ къ Вержболову изъ Россіи, находилась среди пассажировъ Англичанка-гувернантка съ семилѣтней русской дѣвочкой, которую она везла къ матери въ Висбаденъ. Въ Эйдткуненъ Англичанку пропустили, а ребенка заставили вернуться въ Вержболово, мотивировавъ это тѣмъ, что она русская подданная. Какой-то господинъ принялъ въ ней участіе и взялся отвести ее въ Либаву къ теткѣ.

Надо самому пережить всѣ издѣвательства, — заканчиваетъ проф. С.,—чтобы понять наше состояніе. Совершенно измученные, голодные, съ издерганными нервами, мы добрались до Вержболова, откуда съ опозданіемъ пріѣхали въ Петербургъ.

Въ числѣ немногихъ счастливцевъ выбравшихся изъ Берлина съ послѣднимъ поѣздомъ послѣ поѣзда принца Ольденбургскаго, говорю счастливцевъ потому, что въ предѣлахъ Германіи осталась еще не одна тысяча запоздавшихъ Русскихъ— были княгиня Трубецкая, кн. Васильчиковъ и депутатъ В. А. Маклаковъ.

— Выѣхали мы изъ Берлина въ субботу, въ 12 часовъ,— разсказываетъ В. А. Маклаковъ,—и нашъ поѣздъ не допустили уже до Эйдткунена, а остановили въ Столюпененѣ. Въ поѣздѣ было до 300 Русскихъ. Подошли германскіе солдаты и приказали вылѣзать. Мы вышли и остались на улицѣ. Ни дальше, ни ближе не пускали. Тогда рѣшили идти къ военнымъ властямъ и просить пропуска черезъ границу.

Первой пошла княгиня Трубецкая съ своимъ сыномъ. Когда я и князь Васильчиковъ узнали объ этомъ, и поспѣшили за ней, мы догнали ее на дорогѣ. Кругомъ стояли нѣмецкіе солдаты и были видны разъѣзды. Слышались возгласы: „поймали русскихъ шпіоновъ“.

Мы просили княгиню Трубецкую идти вмѣстѣ съ нами, но она отвѣтила, что ей, какъ женщинѣ, можетъ быть, легче удастся уговорить нѣмецкаго офицера, чтобы онъ выдалъ пропускъ. На нашихъ глазахъ солдаты схватили Трубецкую и потащили на допросъ. Мы бросились за ней. Къ удивленію, уланскій офицеръ, завѣдывавшій постомъ, оказался сговорчивымъ и выдалъ всѣмъ намъ пропуски для перехода черезъ границу.

Когда мы вернулись къ остальнымъ Русскимъ, они тоже захотѣли идти за пропусками. Сначала имъ отказывали въ этомъ, но затѣмъ германскій офицеръ выдалъ общій пропускъ для всѣхъ Русскихъ, имѣющихъ паспорта.

Вернулись въ Столюпененъ и пошли пѣшкомъ къ Вержболову.

Предстояло идти шестнадцать верстъ. Багажъ, конечно, побросали. По дорогѣ встрѣтили носильщика съ тачкой и просили

подвезти тѣ вещи, которыя несли въ рукахъ. Онъ потребовалъ сто марокъ. А когда одинъ изъ насъ вынулъ билетъ въ сто марокъ, носильщикъ заявилъ, что желаетъ получить золотомъ. Между тѣмъ уже наканунѣ нашего отъѣзда въ Берлинѣ ни въ одномъ банкѣ золота не выдавали. Къ счастью встрѣтили другого носильщика, и онъ согласился за сто марокъ бумажкой довезти нѣсколько чемодановъ на своей тачкѣ.

Такъ шли шестнадцать верстъ. Голодные и измученные, въ Вержболовѣ бросились въ вокзальное помѣщеніе. Я спустился въ подвалъ, но, несмотря на всѣ поиски, не нашелъ ничего, кромѣ баночки пикулей и баночки перцу.

Неподалеку отъ насъ слышалась перестрѣлка. Поѣзда отсюда не шли, и пришлось разыскивать лошадей и на лошадяхъ ѣхать до Волковышекъ.

Въ Волковышкахъ захватили паровозъ съ вагономъ, который проѣхалъ впередъ къ Вержболову, чтобы забрать застрявшихъ въ дорогѣ Русскихъ. Въ Вержболовѣ ихъ не оказалось, и мы вернулись обратно въ Волковышки и стояли здѣсь три часа. Вдругъ совершенно неожиданно со стороны границы послышался свистокъ паровоза, слѣдовавшаго съ однимъ вагономъ. Оказалось, что это ѣхалъ Великій Князь Константинъ Константиновичъ, которому пришлось передвигаться такимъ же способомъ, какъ и намъ. Его вагонъ прицѣпили къ нашему паровозу, и мы наконецъ поѣхали.

Всѣхъ оскорбленій перенесенныхъ нами, разсказываетъ директоръ Правленія Московско-Казанской жел. дор. Н. К. фонъ-Меккъ, не перечесть. Да и къ чему? Нѣмцы съ утонченной жестокостью глумились надъ Русскими, попавшими въ ихъ лапы. Благородные рыцари на словахъ, на дѣлѣ они съ какой-то мелочною придирчивостью насъ преслѣдовали. Сколько издѣвательствъ, сколько грязныхъ инсинуацій приходилось слышать намъ отъ обнаглѣвшихъ нѣмцевъ.

Слѣдовавшій въ этомъ же поѣздѣ докторъ Добрый находился въ Берлинѣ въ пятницу, наканунѣ объявленія войны. Настроеніе берлинскаго населенія было крайне воинственное. На улицахъ съ ранняго утра до поздней ночи шелъ какой-то нескончаемый политическій митингъ. Докторъ Добрый рѣшилъ ни одной минуты больше не оставаться въ Германіи и тотчасъ же выѣхалъ оттуда. По дорогѣ ему пришлось слышать, какъ нѣмцы осыпали Русскихъ бранью и глумились надъ Россіей. „До скораго свиданія въ Россіи!“—кричали нѣмцы.

Русскіе путешественники, ѣхавшіе съ нимъ въ одномъ вагонѣ, многимъ были обязаны графинѣ Шуваловой, которая съ большимъ для себя рискомъ заступалась за поруганныя права Русскихъ и даже сумѣла настоять на томъ, чтобы на нѣкоторыхъ вокзалахъ нѣмцы-оффиціанты подавали Русскимъ кофе.

36 Русскихъ, преимущественно женщинъ, изъ Баденъ-Бадена и другихъ южно-германскихъ курортовъ, между ними супруга намѣстника на Кавказѣ графиня Воронцова-Дашкова, съ дочерьми графиней Шереметьевой и Демидовой, г-жа Побѣдо-

носцева, графиня Орлова-Давыдова, шталмейстеръ бар. Вольфъ, шталмейстеръ баронъ Кноррингъ, бывшій посланникъ въ Дармштадтѣ и его семейство уѣхали 21 іюля съ шталмейстеромъ барономъ Кноррингомъ во главѣ.

До Франкфурта все шло благополучно. Между Франкфуртомъ и Гамбургомъ, когда поѣздъ былъ переполненъ штатскими и военными путешественниками, Русскіе были обнаружены своими спутниками и арестованы военными властями. Всѣ вмѣстѣ со своимъ багажемъ должны были высадиться за три станціи до Гамбурга. Только вслѣдствіе настоятельной просьбы барона Кнорринга имъ было разрѣшено доѣхать до главнаго вокзала Гамбурга, гдѣ всѣ они подъ военной охраной были приведены въ кордергардію вокзала. Здѣсь произведена была ревизія паспортовъ чиновниками политической полиціи, и вещи ихъ были обысканы; послѣ этого они были отпущены въ Atlantic Hotel, гдѣ вслѣдствіе недостатка поѣздовъ оставались до пятницы вечера.

Благодаря энергичнымъ стараніямъ испанскаго генеральнаго консула Велеца, а также предупредительности гамбургскихъ властей, Кноррингу удалось получить необходимое разрѣшеніе для его спутниковъ, въ распоряженіе которыхъ были предоставлены вагоны до датской станціи Вамдрупъ и были даны для охраны два чиновника альтонской полиціи.

Въ Гамбургѣ къ нимъ присоединился членъ Государственнаго Совѣта Шебеко. До Неймюнстера путешествіе снова шло благополучно, но въ послѣднемъ Шебеко былъ неожиданно арестованъ, на основаніи телеграммы, полученной изъ Берлина, и силой выведенъ изъ вагона. Это происшествіе вызвало сильнѣйшее волненіе среди Русскихъ, вслѣдствіе чего они были замѣчены собравшейся на вокзалѣ публикой, которая вела себя, какъ сумасшедшая; въ особенности неистовствовали по отношенію къ Русскимъ санитары и сестры милосердія. При этомъ была грубо оскорблена графиня Воронцова-Дашкова, въ тотъ моментъ, когда она вышла въ сосѣднее отдѣленіе для того, чтобы сообщить объ арестѣ Шебеко. Толпа кричала: „Эта женщина хочетъ что-то спрятать“ и требовала обыска.

Пьяные солдаты ландвера, съ сигарами въ зубахъ, полѣзли въ вагоны, вытолкали графиню ударами прикладовъ на платформу и грубо обыскали ее, хватая за волосы и платье.

Толпа совершенно озвѣрѣла, орала, гикала, не позволяла поѣзду отойти, такъ что всѣ Русскіе, съ багажемъ должны были выйти, и лишь послѣ долгихъ переговоровъ, удалось отправить поѣздъ.

При этомъ начальникъ вокзала заявилъ барону Кноррингу, передавшему ему паспортъ и билетъ Шебеко, что Русскимъ и безъ того уже дѣлается слишкомъ мало затрудненій, и что онъ постарается, что-бы имъ въ пути было сдѣлано еще больше препятствій.

На слѣдующей станціи Рендсбургъ Русскіе снова должны были оставить поѣздъ и были окружены ротой солдатъ, подвергшихъ ихъ тѣлесному обыску.

На станціи Фленсбургъ обыска произведено не было, но русскій вагонъ былъ оцѣпленъ и находился въ теченіе четырехъ часовъ подъ строгимъ военнымъ надзоромъ.

Наконецъ, удалось достигнуть пограничной станціи Войенсъ (Woyens), гдѣ пришлось ждать отъ 5 до 12 час. ночи. Барону Кноррингу тѣмъ не менѣе удалось добыть локомотивъ, который съ двумя пассажирскими и однимъ багажнымъ вагонами въ 8½ час. достигъ Вамдрупа, откуда путешествіе уже шло благополучно по датской територіи до Копенгагена.

Членъ Государственнаго Совѣта Шебеко долженъ былъ сначала оставаться въ теченіе нѣсколькихъ часовъ на вокзалѣ въ Неймюнстерѣ, гдѣ солдаты съ примкнутыми штыками сторожили его на глазахъ у всей публики, причемъ озвѣрѣлая толпа все время кричала: „Разстрѣлять его". Послѣ этихъ долгихъ и мучительныхъ часовъ Шебеко былъ отправленъ въ тюрьму для обыкновенныхъ преступниковъ, гдѣ у него все было отобрано, и онъ былъ заключенъ въ арестантскую камеру.

Здѣсь онъ оставался въ теченіе 24 часовъ и, послѣ того, какъ былъ освобожденъ, получилъ, согласно собственной просьбѣ, военную охрану до датской границы.

О возвращеніи въ Россію генеральнаго комиссара русскаго отдѣла на Лейпцигской выставкѣ сенатора Бельгарда сообщаютъ слѣдующее:

„Вслѣдствіе неожиданнаго объявленія войны 20 іюля, послѣ совѣщанія офиціальныхъ комиссаровъ англійскаго и французскаго, а также дирекціи выставки, было рѣшено закрыть русское, англійское и французское отдѣленія выставки.

Во время начавшейся укладки въ понедѣльникъ, 21 іюля, въ русскій павильонъ явился судебный чиновникъ и заявилъ, что Бельгардъ, его помощникъ Эттингеръ и всѣ члены комиссаріата, включая курьера, арестуются по подозрѣнію въ шпіонствѣ. Чиновникъ подвергъ всѣхъ допросу. Затѣмъ были перерыты всѣ столы и шкапы, и произведенъ личный обыскъ.

Въ комнатахъ гостиницы, гдѣ имѣли пребываніе члены комиссаріата, также былъ произведенъ обыскъ. Затѣмъ всѣ арестованные были отправлены въ полицейское управленіе, гдѣ имъ заявили, что произошла ошибка, и что всѣ свободны. По иниціативѣ мѣстныхъ властей отъѣздъ русскаго, англійскаго и французскаго комиссаровъ черезъ Швейцарію былъ назначенъ на вторникъ утромъ.

Но въ моментъ, когда Бельгардъ и Эттингеръ садились въ автомобиль, чтобы, въ сопровожденіи президента дирекціи выставки отправиться на вокзалъ, вновь появившійся внезапно судебный чиновникъ опять объявилъ всѣхъ членовъ комиссаріата арестованными; такимъ образомъ, отъѣздъ съ намѣченнымъ поѣздомъ оказался невозможнымъ. Арестованные были препровождены въ судъ, откуда послѣ долгаго ожиданія они, не будучи допрошенными, были отправлены въ тюрьму, гдѣ съ ними обращались какъ съ обыкновенными преступниками. У арестованныхъ было конфисковано все, кромѣ одежды. Въ тюрьмѣ ихъ

раздѣли и произвели тѣлесный осмотръ. Только спустя нѣсколько часовъ, отъ имени губернатора было сообщено главному комиссару, что дѣло идетъ лишь о предупредительномъ арестѣ.

Ночью главный комиссаръ былъ разбуженъ и ему сообщили, что инцидентъ этотъ выясненъ, и что противъ него, такъ же, какъ и противъ остальныхъ членовъ комиссаріата не имѣется никакихъ обвиненій. Бельгарду было сообщено, что ему предоставляется возможность уѣхать ночью, но онъ отказался, заявивъ, что одинъ онъ не уѣдетъ, а покинетъ тюрьму лишь съ остальными членами комиссаріата. На слѣдующее утро послѣ новыхъ оскорбительныхъ формальностей всѣ арестованные были освобождены.

Въ среду, въ 5 час. пополудни, состоялся, наконецъ, отъѣздъ членовъ комиссаріата подъ покровительствомъ охраны, данной губернаторомъ, въ Берлинъ. Тамъ возникли новыя непредвидѣнныя затрудненія и, наконецъ, послѣ долгихъ мытарствъ, въ сопровожденіи Эттингера и остальныхъ членовъ комиссаріата, за исключеніемъ одного, Бельгардъ прибылъ сюда. Часть багажа сенаторъ Бельгардъ долженъ былъ оставить въ Лейпцигѣ, часть въ Гамбургѣ, многое совсѣмъ потерялъ.

Во время частыхъ пересадокъ исчезъ служащій Брюггеманъ съ женой. По свѣдѣніямъ нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, онъ былъ снова арестованъ на станціи.

Бельгардъ имѣлъ при себѣ дипломатическій паспортъ и лично былъ извѣстенъ мѣстнымъ гражданскимъ и военнымъ властямъ въ Лейпцигѣ. Остальные члены комиссаріата имѣли законныя паспортныя книжки.

Все содержимое русскаго павильона было до отъѣзда генеральнаго комиссара передано подъ защиту дирекціи выставки. Историческій отдѣлъ былъ порученъ особенной заботѣ директора лейпцигскаго городского музея Шрама".

Изъ сообщеній членовъ комиссаріата явствуетъ, что всѣ они, несмотря на пережитыя испытанія, выступали передъ нѣмецкими чиновниками съ спокойствіемъ, полнымъ сознанія своего достоинства.

Обѣ княгини Юсуповы прибыли въ Берлинъ совершенно больныя. Война только что была объявлена. Старый князь отправился въ русское посольство, но Свербеевъ сообщилъ что онъ уже не посолъ и ничѣмъ не можетъ быть полезенъ. Вернувшись въ гостиницу, князь Юсуповъ засталъ тамъ офицера, который заявилъ, что Юсуповъ, отецъ и сынъ, отъ этой минуты военноплѣнные. Извѣстіе это такъ плохо подѣйствовало на старую княгиню, что ея невѣстка, княгиня Ирина Александровна, рѣшила обратиться по телефону къ своей хорошей знакомой германской кронпринцессѣ съ вопросомъ, нельзя ли имъ возвратиться на родину? Кронпринцесса отвѣтила, что черезъ 2 часа она увидитъ императора и поговоритъ съ нимъ, и тогда немедленно сообщитъ ей результатъ. Прошло 2 часа, и, дѣйствительно, раздался телефонный звонокъ. Это была кронпринцесса. Она ничего не можетъ сдѣлать, такъ какъ это приказъ самого императора.

Лишь благодаря шагамъ предпринятымъ княгиней Ириной Александровной, которая совершенно больная поѣхала хлопотать за своего мужа, графъ Юсуповъ былъ отпущенъ на свободу.

Въ Берлинѣ полиція арестовала всѣхъ русскихъ мужчинъ въ возрастѣ отъ 17 до 45 лѣтъ. Среди арестованныхъ были сенаторъ графъ Паленъ, московскій профессоръ докторъ Бѣляевъ, Субботинъ, Голумбіевскій, Давичъ и др. Всѣхъ ихъ отпустили изъ тюрьмы, благодаря заступничеству испанскаго посла.

На вокзалѣ въ Ростокѣ были арестованы всѣ русскіе мужчины, среди нихъ камеръ-юнкеръ бар. Тизенгаузенъ. Всего было арестовано до 600 чел. Никто изъ нихъ до сихъ поръ не освобожденъ.

Въ Копенгагенѣ получено отъ арестованныхъ письмо. Всѣхъ ихъ поставили на принудительныя работы. Одни мостятъ ростокскія улицы, другіе должны сопровождать городской обозъ.

Бар. Тизенгаузена заставили писать на пишущей машинкѣ въ канцеляріи ростокскаго полиціймейстера.

Ѣсть никому не даютъ. Каждый долженъ питаться на свои средства.

Бывшій русскій военный агентъ въ Германіи полковникъ Базаровъ за нѣсколько дней до войны уѣхалъ изъ Берлина, оставивъ тамъ свою жену и дѣтей. И вотъ въ субботу 19 іюля, въ день объявленія войны, передъ домомъ г-жи Базаровой, собралась толпа. Былъ въ толпѣ и жившій въ одномъ домѣ съ Базаровыми прусскій майоръ генеральнаго штаба фонъ-Вальдовъ (v. Waldow).

Понеслись самыя отборныя ругательства. Когда изъ дома вышла г-жа Базарова съ своей сестрой, гувернанткой и тремя дѣтьми и стали садиться въ автомобиль, чтобы ѣхать на вокзалъ, крики и угрозы стали еще сильнѣе. По адресу несчастныхъ женщинъ изъ толпы неслось: fort von hier unverschämte Russen, Russenbande, Russische Hunde, Schweine и т. п.

Полиція не только не препятствовала оскорбленіемъ, но поощряла демонстрантовъ. Тѣ, ободренные попустительствомъ шуцмановъ, кинулись къ автомобилю.

Не успѣй шоферъ во время пустить машину, демонстранты избили бы несчастныхъ женщинъ.

Другой разъ берлинская толпа проявила свое варварство, 20 іюля, при отъѣздѣ изъ Берлина русскаго посольства. Въ автомобиль летѣли камни, неслись ругательства и угрозы.

Два автомобиля были остановлены на улицѣ и толпа избила пассажировъ. При этомъ пострадали: діаконъ посольской церкви, секретарь посольства, камергеръ Храповицкій, княгиня Бѣлосельская, графиня Литке, графъ Тотлебенъ, жена посланника, г-жа Лермонтова, графиня Бревенъ-де-ла Гарди, г-жа Плаутина и другіе.

Докторъ И. Н. Левицкій пріѣхалъ изъ Киссингена въ Берлинъ какъ разъ въ день объявленія войны, 19 іюля. Киссингенскій поѣздъ былъ встрѣченъ улюлюканьемъ и ругательствами мальчишекъ—поѣздъ былъ, вѣдь, биткомъ набитъ Русскими.

Къ 21-му съ трудомъ добрались до Сассница. Однако, несмотря на весь патріотизмъ нѣмцевъ, взятки брались весьма охотно. Въ Штеттинѣ д-ръ Левицкій и его спутники дали начальнику станціи 50 кронъ, а носильщикамъ и главному кондуктору по 20—50 марокъ.

Въ Сассницѣ скопились тысячи бѣглецовъ. Около парохода-парома были поставлены два солдата-пруссака. При страшной давкѣ они пропустили 1,900 человѣкъ (паромъ разсчитанъ на 700—900), а затѣмъ... принялись избивать остальныхъ прикладами. Началась паника. Пятилѣтній мальчикъ былъ сброшенъ въ воду и утонулъ—случай этотъ подтверждается шведскими газетами. Всѣхъ застрявшихъ въ Сассницѣ загнали ночевать въ конюшни.

Прибывшія изъ Германіи женщины съ ужасомъ разсказываютъ о тѣхъ мученіяхъ, которыя выпали на ихъ долю въ Германіи. Берлинскіе полицейскіе и солдаты врывались по ночамъ въ гостиницы, гдѣ жили Русскіе, и производили безсмысленные обыски. Несмотря на протесты, солдаты врывались въ спальни и стаскивали съ кроватей раздѣтыхъ женщинъ.

То же самое происходило и въ поѣздахъ. Нѣмцы, не щадя женской стыдливости, заставляли всѣхъ русскихъ дамъ раздѣваться до нага. Въ одной русской дамѣ, обладающей очень высокимъ ростомъ, нѣмцы заподозрили переодѣтаго русскаго солдата. Несмотря на возмущеніе находившагося въ этомъ же вагонѣ сенатора графа Палена, нѣмцы въ присутствіи мужчинъ совершенно раздѣли даму.

Въ ста километрахъ отъ Берлина, на станціи Ней-Стрелицъ пассажировъ выкинули изъ поѣзда и погнали подъ охраной солдатъ за полторы версты въ казармы драгунскаго полка. Здѣсь русскіе пасажиры были встрѣчены драгунами. Солдаты накинулись на Русскихъ, не разбирая ни мужчинъ, ни женщинъ, и избили ихъ прикладами. Затѣмъ началась процедура обыска; мужчинъ не обыскивали, обыскивали только женщинъ и притомъ наиболѣе молодыхъ. Обыскъ производили трое лейтенантовъ подъ громкій хохотъ своихъ товарищей и солдатъ. Присутствовалъ здѣсь и командиръ полка. Онъ не только не запрещалъ офицерамъ оскорблять дамъ, но всячески имъ потакалъ. Сцены этого обыска были настолько возмутительны, что вызвали громкій протестъ со стороны русскихъ мужчинъ. Генералъ приказалъ имъ молчать, угрожая всѣхъ перестрѣлять.

Одинъ изъ лейтенантовъ такъ увлекся обыскомъ молодой барышни, что ея отецъ не вытерпѣлъ, подбѣжалъ къ офицеру и далъ ему пощечину. Несчастнаго отца командиръ полка приказалъ схватить и его тутъ же на глазахъ русскихъ пассажировъ разстрѣляли.

Прибывшая 30-го іюля изъ Германіи черезъ Торнео жена судебнаго дѣятеля г-жа Д. подтверждаетъ, что въ Пруссіи всѣхъ русскихъ женщинъ обыскивали самымъ грубымъ образомъ. Молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ раздѣвали до-гола. Г-жа Д. избѣгла этой унизительной процедуры, благодаря, своему преклонному

возрасту; но и ей было приказано снять верхнее платье. Одна молодая женщина плакала въ вагонѣ и все время повторяла: „какъ я буду теперь смотрѣть въ глаза моего мужа“. Двухъ дѣвицъ, дочерей екатеринославскаго помѣщика (одна изъ нихъ институтка) жандармы раздѣли въ присутствіи ихъ матери, когда же та стала препятствовать, то раздѣли и ее. Платье женщинъ было унесено изъ камеры „для болѣе тщательнаго обыска“. Болѣе часа женщины сидѣли въ своей тюремной камерѣ голыми и стражники съ грубымъ смѣхомъ смотрѣли черезъ дверное оконце.

Присяжный повѣренный Шапиро, получивъ тревожную телеграмму изъ Франценсбада, имѣлъ неосторожность выѣхать черезъ Варшаву въ Германію. Вначалѣ когда переѣхали границу, шли разговоры о томъ, что въ каждомъ Русскомъ сидитъ шпіонъ, что русскіе студенты покушались на жизнь кронпринца, и что поймали русскихъ шпіоновъ, переодѣтыхъ манахинями. Въ вышедшихъ въ этотъ день нѣмецкихъ газетахъ на первой страницѣ было напечатано крупнымъ шрифтомъ предостереженіе по адресу Русскихъ. „Возьмите Русскихъ,—взывали газеты,—подъ свое наблюденіе, всѣ они шпіоны!“ Очевидно, газеты инспирировались лицами, власть имѣющими. Возбужденіе и ненависть разжигались всякими способами.

— Приходилось прятать свое лицо,—разсказываетъ г. Шапиро.—Но меня все-таки узнали. За 2 минуты до отхода поѣзда въ Брюссель ко мнѣ подошелъ солдатъ и спросилъ Русскій ли я. Послѣ утвердительнаго отвѣта меня потащили сначала въ вокзальное бюро, оттуда въ полицейское, а затѣмъ въ одиночную тюрьму... Тамъ находилось уже около 300 человѣкъ Русскихъ. Плачъ женщинъ и дѣтей доносился изъ камеръ. Когда я пытался попросить объясненій о причинахъ нашего ареста, то мнѣ или кричали: „прикройте свой ротъ!“ или же объясняли, что насъ охраняютъ отъ ярости толпы.

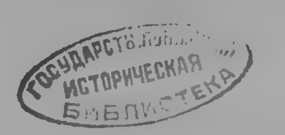
На третій день, продержавъ насъ впроголодь, вывели на дворъ и стали отдѣлять мужчинъ отъ женщинъ и дѣтей. Поднялся плачъ и рыданія. Сцены разставанія были ужасны. 80 молодыхъ людей и мужчинъ до 40-лѣтняго возраста отвели обратно въ тюрьму, а насъ подъ конвоемъ повели къ станціи. Здѣсь размѣстили насъ въ угольныхъ открытыхъ вагонахъ, и направили къ ст. Вильгельмбрюке.

Отдѣльныя сцены всего пережитаго нѣтъ силъ описать. Мое великое горе меркло передъ страданіями пожилого и больного русскаго профессора К., ѣхавшаго въ сопровожденіи жены и дочери. Одна изъ нихъ лежитъ сейчасъ въ нервной горячкѣ и за жизнь ея очень опасаются. На одной изъ станцій дочь профессора была избита солдатами.

— Я выѣхалъ изъ Петербурга 9 іюля, направляясь къ моей женѣ, находившейся въ санаторіи близъ Цюриха разсказываетъ членъ Государственнаго Совѣта Г. В. Калачовъ.

— Вскорѣ послѣ пріѣзда въ Швейцарію для меня стало ясно, что наши отношенія съ Германіей крайне обостри-

2

лись и въ газетахъ уже не скрывалось о возможности возникновенія военныхъ дѣйствій между двумя государствами. Мы рѣшили покинуть Цюрихъ и поспѣшно возвратиться черезъ Германію въ Петербургъ. Въ Базелѣ намъ передали, что сообщеній съ Германіей болѣе не существуетъ. Это было 18 іюля. Въ Базелѣ былъ громадный наплывъ публики, такъ какъ всѣ спѣшили покинуть швейцарскіе курорты изъ-за свѣдѣній объ опасности войны.

На 19 іюля мы взяли коляску и намъ удалось переѣхать германскую границу. Нѣмецкій поѣздъ ждалъ насъ и мы добрались до Берлина. Тутъ мы узнали, что въ 12 часовъ ночи начинается всеобщая мобилизація. Сейчасъ же мы отправились на Фридрихштрассе и освѣдомились о томъ, представляется ли намъ возможность доѣхать до Эйдткунена. На желѣзно-дорожной станціи намъ заявили, что мы можемъ уѣхать съ ночнымъ поѣздомъ, уходящимъ въ 11 час. 45 мин.

На вокзалѣ и въ поѣздѣ было много военныхъ, которые держали себя крайне вызывающе.

Не доѣзжая Кенигсберга начались разговоры, пропустятъ ли насъ или нѣтъ въ Эйдткуненъ. На одной изъ станцій я прочиталъ нѣмецкую газету, въ которой сообщалось, что Японія объявила войну Россіи и что полмилліона Японцевъ находится на нашей землѣ. Это извѣстіе и всевозможные толки породили среди русскихъ путешественниковъ немалое смущеніе. Вскорѣ мы услыхали, что насъ не допустятъ добраться до Эйдткунена. Я обратился къ кондуктору съ просьбой отослать телеграмму на имя начальника станціи въ Вержболово, но кондукторъ отказался отправить депешу. Находившійся тутъ германскій генералъ, въ крайне рѣзкой, вызывающей формѣ говорилъ о Русскихъ, которые, по его мнѣнію, являлись военно-плѣнными. Онъ, между прочимъ, замѣтилъ, что война объявлена не Германіей, а Россіей. Въ Гумбиненѣ намъ вдругъ заявили, что поѣздъ дальше не пойдетъ, и, что кто хочетъ — можетъ отправиться на родину, но поѣзда, однако, не будетъ.

Русскіе путешественники стали совѣщаться, какъ имъ быть. Въ это время всѣхъ насъ окружила команда солдатъ во главѣ съ офицеромъ, который заявилъ намъ, что мы военноплѣнные. Кстати замѣтить, что Русскихъ было весьма значительное число: къ намъ присоединилась еще одна партія несчастныхъ русскихъ туристовъ. Среди насъ находились, между прочимъ, адъютантъ великаго князя Константита Константиновича Сипягинъ.

Окруженные солдатами, которые держали ружья наготовѣ, мы простояли такъ нѣсколько часовъ въ полномъ невѣдѣніи, что будетъ съ нами. Наконецъ подошелъ поѣздъ съ вагонами третьяго и четвертаго классовъ. Тотъ же офицеръ скомандовалъ, чтобы мы помѣстились въ этомъ поѣздѣ. Давка была ужасная. На всѣ вопросы, куда насъ везутъ — молчали. Въ пути, мы подвергались жестокостямъ. Выходъ изъ вагона воспрещался. Насъ сопровождали солдаты. Вечеромъ, мы прибыли въ Кенигсбергъ. Тутъ подъ конвоемъ насъ поволокли по городу и довели

до какого-то страннаго зданія — замка. Здѣсь офицеры насъ допрашивали. Это продолжалось до трехъ часовъ ночи. По окончаніи этого наглаго допроса, который производился въ грубой формѣ, мы отправились, опять-таки подъ конвоемъ, обратно на вокзалъ. Часа въ четыре ночи насъ размѣстили по вагонамъ третьяго и четвертаго классовъ, причемъ снова насъ провожали солдаты съ ружьями. Поѣздъ вдругъ остановился въ Браунсбергѣ и снова послѣдовалъ приказъ о томъ, чтобы мы покинули вагоны. Опять подъ охраной воинской команды насъ потащили по всему городу. Въ концѣ концовъ мы остановились у зданія мѣстной школы. Тутъ насъ заперли и въ этой школѣ мы провели два дня, причемъ спали между партъ и на полу на соломѣ, которая уже заранѣе была приготовлена. Ѣли мы за свой счетъ, причемъ въ школу приходили маркитантки, которыя продавали намъ кофе, молоко и т. д.

Охрана была самая строгая. Положеніе наше съ каждымъ часомъ становилось все болѣе и болѣе трагическимъ. Среди насъ находились больныя женщины, дѣти, и сердце разрывалось, глядя на ихъ страданія. Партія Русскихъ была очень большая и среди насъ находились графиня и графъ Канкрины, баронесса и баронъ Каульбарсъ съ дочерьми, супруга нашего военнаго агента въ Берлинѣ Базарова, сенаторъ Ивановъ и мн. др. Наше положеніе становилось еще болѣе тяжелымъ потому, что нѣмцы не мѣняли денегъ и только въ Браунсбергѣ одинъ офицеръ согласился размѣнять незначительную сумму, причемъ взялъ очень большую разницу за обмѣнъ. Наконецъ насъ выпустили изъ школы-тюрьмы и мы направились на вокзалъ. Насъ опять ждалъ тотъ же третій и четвертый классъ и тѣ же мытарства. Насъ повезли въ Штеттинъ, гдѣ снова, подъ конвоемъ, привели насъ въ какой-то огромный сарай, въ которомъ, вѣроятно, находились раньше повозки для артиллерійскихъ снарядовъ или для интендантскихъ фургоновъ. Здѣсь мы провели двѣ ночи. Насъ кормили солдатской ѣдой и кромѣ того намъ удавалось кое-что покупать у маркитантовъ. Изъ Штеттина въ четвертомъ классѣ мы поѣхали въ Трелеборгъ и черезъ Швецію, истерзанные, добрались мы, въ концѣ концовъ, до дому.

— Кстати замѣтить, — продолжаетъ Г. В. Калачовъ, — что въ Браунсбергѣ осталась группа русскихъ рабочихъ, которыхъ нѣмцы не выпускали, утверждая, что они будутъ имъ платить значительныя суммы за работы на поляхъ. Потомъ мнѣ передавали, что это былъ обманъ, такъ какъ имъ ничего не платили, хотя заставляли работать. Такая же значительная партія нашихъ чернорабочихъ осталась въ Кенигсбергѣ, причемъ ихъ вынуждали работать подъ угрозой разстрѣла, надъ укрѣпленіемъ крѣпостей.

Нѣмцы распространяли о Русскихъ завѣдомо ложные слухи, желая во что бы то ни стало возстановить противъ насъ германскій народъ. Такъ, напримѣръ, въ Кенигсбергѣ прошелъ слухъ, что Русскіе отравляютъ колодцы; всякія небылицы пере-

давались изъ устъ въ уста и создавали противъ Русскихъ самую тяжелую атмосферу ненависти и раздраженія.

Я уже выше говорилъ, что всѣхъ насъ поразилъ грубый, наглый тонъ германскихъ офицеровъ, которые старались всячески нанести намъ обиду и вызвать среди насъ панику.

По пути мы встрѣчали воинскіе поѣзда, которые мелькали мимо насъ съ надписями на вагонахъ по-нѣмецки „въ Петербургъ", на другихъ было начертано „въ Сибирь"; встрѣчались также надписи „въ Парижъ" и „въ Лондонъ".

Вспоминая тяжелые пережитые дни, я долженъ замѣтить, что особенно показалась мнѣ раздраженной противъ насъ кенигсбергская толпа, которая, увидавъ наше шествіе, осыпала насъ самой дерзкой руганью.

Намъ передавали, что много нашихъ рабочихъ, не пожелавшихъ выполнять приказанія нѣмцевъ и работать по укрѣпленію крѣпостей, были разстрѣляны.

Графиня Канкрина совершенно больная женщина, въ глубокомъ отчаяніи, рѣшила отправить германскому императору изъ Браунсберга телеграмму слѣдующаго содержанія: „Его императорскому величеству. Берлинъ. Какъ сестра покойнаго генерала Струкова, который удостоивался вниманія вашего величества, я позволяю себѣ обратиться къ вашему величеству съ покорной просьбой, обратить вниманіе на положеніе русскихъ путешественниковъ, которые, по окончаніи курса леченія, по большей части въ германскихъ курортахъ, отправляются домой и теперь по военному времени арестуются. Среди насъ старые, больные мужчины, много женщинъ, есть беременныя, дѣти, большая часть путешественниковъ безъ средствъ, всѣ мы подъ усиленнымъ военнымъ конвоемъ доставлены въ Браунсбергъ. Мы глубоко обезпокоены за наше будущее и я обращаюсь къ вашему величеству, моля принять къ сердцу положеніе несчастныхъ русскихъ путешественниковъ."

Одновременно графиня Канкрина послала телеграмму генералъ-адъютанту императора Вильгельма, графу Дона-фонъ Шлобитену. Вотъ, что, между прочимъ, пишетъ графиня: „Мы окружены содатами. Насъ запираютъ въ вагоны III и IV класовъ и такая давка что пассажиры сидятъ одинъ на другомъ. Двери вагоновъ закрываются. Въ вагонѣ, гдѣ были заперты баронесса Каульбарсъ и двѣ ея дочери, фрейлины Ихъ Величествъ, не было туалета и имъ пришлось просидѣть въ вагонѣ въ теченіе 8 часовъ безвыходно. Я не хочу вамъ всего разсказывать, но представьте себѣ наше шествіе, со стариками, которыхъ солдаты заставляютъ идти пѣшкомъ до тѣхъ поръ, пока они падаютъ въ обморокъ, не выдерживая жары и всего ужаса, и вамъ станетъ ясно, что намъ пришлось пережить."

Участники образовательной поѣздки за границу, посѣтившіе Швейцарію и Лондонъ такъ передаютъ печальную исторію своихъ мытарствъ.

— Экскурсіи были организованы московскимъ обществомъ распространенія техническихъ знаній. Экскурсанты — въ боль-

шей своей части — народные учителя и учительницы. Одна экскурсія, въ 58 человѣхъ, посѣтила Швейцарію, другая въ 54 человѣка — Лондонъ.

Когда стали распространяться слухи о возможности войны, экскурсанты поспѣшили на родину, но, вступивъ въ предѣлы Германіи, они стали подвергаться всевозможнымъ гоненіямъ.

Въ результатѣ изъ 112 членовъ экскурсій, прибыло въ Берлинъ всего лишь 30-ть человѣкъ. Дамы, сейчасъ же по пріѣздѣ въ Германію, были посажены въ отдѣльные вагоны, и гдѣ онѣ находятся въ настоящее время, одному Богу извѣстно, — говорятъ экскурсанты.

Въ теченіе 13 дней, мы не спали и часто голодали. Очень часто, что въ теченіе сутокъ, экскурсантовъ держали запертыми въ вагонахъ. Случалось, что они должны были довольствоваться одной копѣечной булочкой въ день на двоихъ.

Германскіе солдаты, сопровождавшіе поѣздъ съ экскурсантами, на одной изъ промежуточныхъ станцій заявили экскурсантамъ слѣдующее:

— Если вы не откажетесь отъ настойчиваго требованія пищи, мы васъ доставимъ мертвыми на русскую границу.

Оскорбленіямъ и угрозамъ не было конца.

На одной станціи разыгрался очень характерный инцидентъ. Нѣмецкій носильщикъ, сжалившись надъ голодающими русскими пассажирами, откуда-то досталъ два ломтика хлѣба и черезъ окно передалъ ихъ изголодавшимся путешественникамъ. За это носильщикъ тутъ же подвергся избіенію со стороны своихъ же товарищей и солдатъ.

Прибывшій изъ Гайдельберга студентъ-медикъ послѣдняго семестра А. Леви сообщилъ, что 20-го іюля въ $6^{1/2}$ час. вечера, когда была объявлена война, хозяйка квартиры, которая раньше была очень любезна и предупредительна, заявила ему, чтобы онъ немедленно выѣхалъ, такъ какъ она вообще не можетъ терпѣть Русскихъ, и предупредила, что, если онъ не выѣдетъ на другой день до 2 часовъ, она выставитъ его вещи на улицу. Леви былъ возмущенъ ея поведеніемъ и заявилъ, что у него нѣтъ денегъ на дорогу.

20-го вечеромъ ему принесли чекъ на три тысячи марокъ. Явившись на другой день въ „Deutsche Bank", Леви денегъ не получилъ. Положеніе его дѣйствительно стало критическимъ.

Тогда онъ рѣшилъ обратиться къ своимъ товарищамъ по университету, студентамъ-нѣмцамъ, но послѣдніе сразу измѣнили тонъ и дали ему взаймы на дорогу 100 марокъ, послѣ того, какъ онъ оставилъ въ залогъ научныя книги, стоимость которыхъ достигала 500 руб. Не успѣлъ г. Леви отослать книги товарищамъ, какъ въ его комнату вошли два „шуцмана", произвели обыскъ, конфисковали всю его корреспонденцію, отняли фотографическій аппаратъ и начали проявлять фотографическія пластинки. Не найдя ничего предосудительнаго, они заявили Леви, что все его имущество конфисковали, самого же его обязали выѣхать немедленно. Въ полномъ отчаяніи онъ еле добрался

до вокзала по направленію къ Берлину. Еще до объявленія войны стали распространяться слухи, что тамъ находятся русскіе шпіоны. Чтобы вызвать злобу среди населенія къ Русскимъ, нѣмцы не задумывались прибѣгать къ провокаторскимъ пріемамъ. Возвращаясь изъ университета, г. Леви увидѣлъ на углу Hauptstrasse и Sophienstrasse огромную толпу нѣмцевъ-провокаторовъ, которые кричали, что попался русскій шпіонъ въ женскомъ платьѣ. Въ дѣйствительности же это былъ переодѣтый нѣмецъ. Провокація, однако, удалась, и огромная толпа направилась по всѣмъ улицамъ, выражая свое негодованіе.

Едва поѣздъ отошелъ отъ Гайдельберга, послышались отчаянные крики. Какъ оказалось впослѣдствіи, нѣсколько шуцмановъ пытались отнять багажъ у двухъ студентовъ и, когда послѣдніе стали сопротивляться, избили ихъ.

По дорогѣ во Франкфуртъ-на-Майнѣ всѣ русскіе пассажиры терпѣли ужасную муку. Въ купэ вагона, разсчитанномъ на 6 человѣкъ, находилось по 16 человѣкъ. Во время хода поѣзда кондуктора съ насмѣшкой ходили по вагонамъ и говорили, что ежеминутно могутъ всѣхъ выставить и помѣстить запасныхъ солдатъ. На станціяхъ, когда нѣкоторые изъ русскихъ обращались къ администраціи съ просьбой улучшить ихъ положеніе, администрація пренебрежительно отвѣчала: „Помните, вы—Русскіе!“. Съ большимъ трудомъ студенту Леви удалось добраться до Берлина.

Тамъ г. Леви направился въ Фридрихштрассе на вокзалъ узнать, какимъ образомъ слѣдовать дальше. На вокзалѣ онъ встрѣтилъ тысячи женщинъ, вернувшихся съ пограничныхъ станцій и со слезами умолявшихъ, какъ-нибудь доставить ихъ до Копенгагена. Студентъ Леви предложилъ отправиться къ послу Свербееву.

Предложеніе это было принято съ радостью, и много лицъ отправились къ послу, съ просьбой принять въ нихъ участіе. Но посолъ заявилъ, что онъ совершенно безсиленъ что-либо сдѣлать, что онъ самъ отозванъ въ Россію и не знаетъ, какъ ему самому удастся выбраться изъ Берлина. Онъ посовѣтовалъ отправиться къ испанскому консулу, которому поручена защита Русскихъ. Леви, на автомобилѣ поѣхалъ въ испанское консульство, гдѣ встрѣтился съ извѣстнымъ московскимъ купцомъ X., который добивался аудіенціи у консула. Во время ожиданія въ пріемной прислуга консула сообщила Русскимъ, что ихъ ожидаютъ ужасныя притѣсненія со стороны нѣмцевъ, и совѣтовала не носить въ рукахъ никакихъ вещей, дабы не быть задержанными шуцманами по подозрѣнію въ шпіонствѣ. Купецъ X. тутъ же отдалъ имѣвшійся при немъ на ремнѣ бинокль стоимостью 100 марокъ и картонку со шляпой, составлявшіе остатокъ его багажа.

Вскорѣ испанскій консулъ принялъ ожидавшихъ Леви и X., и заявилъ, что ему неизвѣстно въ точности, подлежатъ ли Русскіе задержанію или нѣтъ, и предупредилъ, что г.г. Леви и X., какъ молодые люди, вполнѣ годные къ военной службѣ, могутъ быть задержаны на границѣ. Огорченные такимъ извѣстіемъ, они

бросились на Штеттинскій вокзалъ, гдѣ неожиданно встрѣтили партію русскихъ, доставленныхъ изъ тюрьмы.

Оказалось, что нѣмцы ходили по квартирамъ и отелямъ и производили конфискацію имущества у русскихъ, а затѣмъ арестовывали ихъ.

При освобожденіи изъ тюрьмы русскимъ было заявлено, что они должны немедленно оставить Германію, въ противномъ случаѣ они будутъ задержаны, какъ военно-плѣнные и къ нимъ будутъ примѣнены законы военнаго времени.

23-го іюля былъ, наконецъ, поданъ поѣздъ. Лишь только Русскіе усѣлись въ вагоны, переполнивъ ихъ сверхъ всякой нормы, какъ представитель желѣзнодорожной администраціи, сообщилъ, что русско-подданные не будутъ отправлены въ Россію, а останутся военно-плѣнными. Въ вагонѣ началась невообразимая паника.

Путешествіе по территоріи Германіи было обставлено большими трудностями. Въ вагонахъ дежурили солдаты, которые наблюдали за тѣмъ, чтобы публика не смотрѣла въ окна.

Не доѣзжая ст. Ростокъ, поѣздъ былъ остановленъ и всѣ Русскіе были высажены. Русскіе настояли, чтобы былъ сдѣланъ запросъ въ Берлинъ. Прождали около получаса, и поѣздъ тронулся дальше. Во время этой остановки послѣдній багажъ былъ растащенъ. Между прочимъ, лица, оставшіеся на вокзалѣ разыскать свой багажъ, арестовывались. Мало этого, русскіе, довѣряясь носильщикамъ, давали имъ квитанціи и деньги.

Обратно же ихъ получить не удалось, не удалось и разыскать носильщиковъ.

Пріѣзжіе со взрывомъ негодованія вспоминаютъ, что въ Берлинѣ на вокзалѣ къ окну переполненнаго вагона подошелъ больной русскій старикъ, выброшенный нѣмцами изъ клиники, и умолялъ русскихъ пріютить его и довезти до Россіи. Просьба его была исполнена, но главный кондукторъ сталъ настаивать, чтобы полиція его убрала, мотивируя свое требованіе тѣмъ, что больной въ дорогѣ не дастъ покоя пассажирамъ.

Пассажиры, Русскіе, встрѣтили эту неумѣстную заботу взрывомъ негодованія и настояли на томъ, чтобы несчастный старикъ былъ довезенъ до Копенгагена.

— Отношенія германскихъ властей къ русскимъ подданнымъ, захваченнымъ войной и не успѣвшимъ покинуть германскихъ предѣловъ,—разсказываетъ одинъ изъ высшихъ представителей морского вѣдомства, находившійся въ Германіи въ моментъ объявленія войны,—были самыя возмутительныя.

Нѣмцы не щадили никого. Всѣхъ, находившихся въ Берлинѣ Русскихъ, они таскали въ полицію, оскорбляли и даже подвергали избіеніямъ.

Такихъ фактовъ очень и очень много.

Русскихъ нѣмцы называли не иначе какъ „свиньи“.

Въ участкахъ, напримѣръ, Русскимъ прямо заявляли:

— Теперь можете уходить. Сегодня вечеромъ, чтобы всѣ русскія свиньи выѣхали изъ Берлина

Тѣмъ же Русскимъ, которые почему-либо просили отсрочку или не имѣли возможности покинуть Берлина, сообщали:

— Если не выѣдете, всѣ будете назначены на работы на ряду съ каторжниками.

Одинаковой участи подвергались всѣ Русскіе. Ни старики, ни женщины, ни дѣти не имѣли пощады.

Тяжелыя сцены приходилось наблюдать на каждомъ шагу.

Вотъ примѣръ безчеловѣчнаго обращенія нѣмцевъ по отношенію къ Русскимъ.

Огромная масса русскихъ бѣглецовъ направлялась изъ Германіи черезъ Штеттинъ на островъ Рюгенъ и далѣе на Стокгольмъ. У парохода творилось что-то невѣроятное. Нѣмцы пустили русскихъ пассажировъ и, не давъ возможности всѣмъ попасть на судно, сразу же сняли сходни.

Между тѣмъ, на берегу осталось много публики. Съ корабля неслись отчаянные крики. Оказалось, что мать оставила на берегу своихъ дѣтей. Въ другомъ случаѣ, дѣти прошли на судно, а отецъ и мать не успѣли туда войти.

Одна русская пассажирка, лишившаяся дѣтей, умерла на суднѣ отъ разрыва сердца.

До самой границы нѣмцы продолжали издѣваться надъ русскими пассажирами. Многихъ изъ нихъ они избили. Въ числѣ пострадавшихъ были и женщины. Такъ, напримѣръ, жена командира полка г-жа Т., оказалась вся въ синякахъ. Она подверглась грубому насилію со стороны нѣмецкихъ властей. По совѣту соотечественниковъ г-жа Т. осталась въ Стокгольмѣ.

Грубому оскорбленію подвергся совершенно больной, сѣдой старикъ, одинъ изъ высшихъ чиновъ государственнаго контроля баронъ Н. Его таскали по участкамъ, грозили ему арестомъ и т. д.

Въ тяжеломъ положеніи, между прочимъ, очутилась группа русской учащейся молодежи, заканчивающей въ Берлинѣ свое образованіе. Во главѣ этой группы находился русскій профессоръ.

Въ моментъ общаго бѣгства учащаяся молодежь потеряла своего профессора и осталась буквально безъ гроша. Ѣсть имъ было нечего. Лишь благодаря нѣкоторой помощи со стороны Русскихъ, учащимся была дана возможность кое-какъ добраться до шведской границы.

Графъ Паленъ передаетъ, что особенно жестоко нѣмцы обращались съ женщинами, врываясь неоднократно ночью въ ихъ номера. Одна русская туристка, отличавшаяся высокимъ ростомъ, была заподозрѣна въ томъ, что она переодѣтый шпіонъ-мужчина. Въ присутствіи мужчинъ эту дѣвушку раздѣли до нага.

На станціи Neu-Strelitz, въ 100 верстахъ отъ Берлина нѣмецкіе жандармы и офицеры еще во время хода поѣзда выбрасывали изъ оконъ вагоновъ багажъ русскихъ пассажировъ, избивали женщинъ и по прибытіи на станцію, загоняли ихъ всѣхъ въ казарму. Нѣсколько мужчинъ, отказавшихся слѣдовать за нѣмцами или же протестовавшихъ противъ такого обращенія,

были разстрѣляны на глазахъ толпы. Распоряжавшійся на станціи нѣмецкій генералъ кричалъ, что онъ всѣхъ русскихъ сабакъ перестрѣляетъ.

Артистъ Императорскихъ театровъ А. М. Давыдовъ такъ разсказываетъ о перенесенныхъ имъ мытарствахъ.

— То, что мнѣ и другимъ многочисленнымъ русскимъ подданнымъ пришлось пережить за послѣдніе дни, не поддается описанію. Я никогда не представлялъ себѣ, что нѣмецкій народъ можетъ быть такимъ некультурнымъ и жестокимъ. Впрочемъ, разскажу вамъ все по порядку.

Въ ночь на 20-е іюля я вмѣстѣ съ супругой и двумя дѣтьми выѣхалъ изъ Маріенбада въ Берлинъ. Вмѣсто 6 часовъ эта поѣздка продолжалась 16 часовъ. Въ четыре часа утра мы прибыли въ Берлинъ, гдѣ заѣхали въ одну изъ гостиницъ.

Въ 9 часовъ утра, когда я еще спалъ, раздается стукъ въ дверь.

Является какой-то сыщикъ и требуетъ меня въ участокъ. Я сталъ успокаивать свою семью и дѣлать распоряженія на всякій случай, а сыщикъ снова стучитъ въ дверь и грубо требуетъ слѣдовать за собой. Въ вестибюлѣ гостиницы я встрѣтилъ много русскихъ, которые были собраны для отправки. У подъѣзда насъ ждалъ тюремный автомобиль, куда насъ всѣхъ помѣстили, а затѣмъ отправили въ полицейское бюро, помѣщающееся на Alexander Platz.

Въ участкѣ оказалось нѣсколько сотъ задержанныхъ русскихъ. Насъ выстроили въ шеренгу и у всѣхъ потребовали предъявленія паспортовъ и всего, что мы имѣли въ карманахъ.

Затѣмъ приступили къ тщательному обыску каждаго, причемъ даже снимали пиджаки и жилеты. Послѣ обыска насъ послали этажемъ выше и размѣстили въ камерахъ съ рѣшетками, по 25 человѣкъ въ каждой камерѣ.

Можно представить себѣ наше положеніе, тѣмъ болѣе, что мы, кромѣ того, страдали нравственно, подвергаясь подобнымъ оскорбленіямъ. Я собираюсь съ духомъ и спрашиваю у одного изъ стражей:

— Что будетъ дальше?

— Это вы узнаете отъ вашего русскаго правительства, — отвѣтилъ мнѣ тотъ.

Въ камерахъ насъ продержали около трехъ часовъ. Послѣ переклички и возвращенія намъ отобранныхъ вещей, въ камеру явились три нѣмца, изъ которыхъ одинъ громогласно заявилъ:

— Именемъ нѣмецкаго правительства вы, какъ враги Германіи, должны оставить германскую территорію. Завтра, чтобы вашего духу здѣсь не было! Кто останется съ тѣмъ поступятъ по всей строгости германскихъ законовъ. Hinaus!

Какъ мы узнали, неотъѣзжающихъ во время русскихъ подданныхъ отправляютъ на черную работу въ поле.

Взволнованные и униженные мы выбрались изъ участка. На улицѣ насъ ожидала толпа мальчишекъ, встрѣтившая насъ свистомъ, крикомъ и гиканьемъ.

Въ тотъ же вечеръ я покинулъ Берлинъ. Свою жену и дѣтей я оставилъ въ Берлинѣ такъ какъ хозяинъ гостиницы, кстати мой хорошій знакомый, обѣщалъ ихъ взять подъ свою отвѣтственность.

На вокзалѣ творилось что-то невѣроятное. Уѣзжающихъ было около 5,000 человѣкъ.

Кругомъ царила полная паника: шумъ, крики, истерики, плачъ дѣтей.

Надо было видѣть, какъ нѣмцы глумились надъ несчастными русскими подданными. Такъ какъ на вокзалѣ были готовы къ отходу нѣсколько поѣздовъ, то одинъ нѣмецъ указалъ на поѣздъ, отправлявшійся въ Копенгагенъ. Всѣ, разумѣется, бросились въ этотъ поѣздъ и черезъ окна стали бросать свой багажъ и чемоданы. Когда всѣ уже размѣстились по вагонамъ, тотъ же нѣмецъ снова крикнулъ:

— Эхъ, вы, дураки! Совсѣмъ не этотъ поѣздъ ѣдетъ въ Данію!

Снова начался переполохъ. Всѣ начали перебираться изъ вагоновъ въ другой поѣздъ.

Послѣ долгаго ожиданія нашъ поѣздъ тронулся.

Настроеніе у всѣхъ пассажировъ было, разумѣется, самое подавленное и безпокойное. Въ купэ, гдѣ обыкновенно помѣщается 6 человѣкъ, на этотъ разъ находилось по 26 человѣкъ. Всѣ боялись вымолвить хоть слово. Мы еще все не были увѣрены, что насъ доставятъ до границы. Дѣйствительно, не доѣзжая одной станціи до границы, вдругъ раздается команда:

— Aussteigen! Русскіе выходить!

Тутъ всѣ подумали, что уже конецъ. Пассажиры высыпали изъ вагоновъ съ чемоданами и пакетами. Такъ насъ въ чистомъ полѣ продержали около часа. Вдоволь наглумившись надъ нами, намъ позволили слѣдовать дальше. Мы вздохнули свободно только тогда, когда пріѣхали къ датской границѣ.

Такимъ образомъ, я 8 дней не спалъ и не ѣлъ. Но физическія страданія никакъ не могутъ сравниться съ нравственными, которыя намъ пришлось перенести въ нѣмецкомъ плѣну.

Считаю долгомъ констатировать то единодушіе, которое царствовало все время между пассажирами. Всѣ старались облегчать другъ другу страданія. Бывало, въ одномъ изъ вагоновъ гдѣ-то находятъ ребенка. И вотъ начинаютъ искать его родителей. По всѣмъ вагонамъ идетъ перекличка и, наконецъ, находятъ мать ребенка.

Среди пассажировъ былъ мальчикъ, голова котораго была вся забинтована. Оказалось, что въ одной изъ берлинскихъ больницъ ему была сдѣлана трепанація черепа. Однако, несмотря на такое тяжелое состояніе, его также выселили.

Когда насъ сажали въ поѣздъ на Копенгагенъ, — разсказываетъ одинъ изъ пережившихъ кошмарное возвращеніе въ Россію, — дѣлалось что-то невѣроятное. Не только вагоны были всѣ переполнены, но женщины съ дѣтьми стояли на площадкахъ и ступеняхъ, а нѣкоторые ѣхали на буферахъ, держась за пе-

рила. На промежуточныхъ станціяхъ садились германскіе солдаты. Грубо и безцеремонно они протискивались черезъ толпу, давили сапогами дѣтей, лежавшихъ въ коридорахъ, и тѣхъ, кто не успѣвалъ показать быстро паспорта, выбрасывали изъ поѣзда, не позволяя ѣхать дальше. Какой-то молодой Французъ, случайно попавшій не въ тотъ поѣздъ, запротестовалъ и имѣлъ неосторожность заявить, что ему надо въ Парижъ, такъ какъ онъ призывной. Его на глазахъ у всѣхъ пассажировъ на ходу поѣзда выбросили въ окошко. Двое Русскихъ заступились — ихъ избили прикладами до потери сознанія.

Когда мы уѣзжали изъ Берлина, происходили потрясающія сцены. Обезумѣвшая старая дама носилась по улицѣ и дикимъ голосомъ кричала:

— Стрѣляютъ, стрѣляютъ!.. Сына разстрѣляли, дочь разстрѣляли!..

Потомъ она куда-то скрылась, и говорятъ, что бросилась въ Шпре.

Были случаи внезапной смерти Русскихъ отъ разрыва сердца. Такъ умеръ старикъ возвращавшійся изъ Наугейма.

Русскихъ со всѣхъ сторонъ окружали, кричали, свистѣли, ударяли палками не только мужчинъ, но и женщинъ. Срывали шляпы и требовали, чтобы полицейскіе арестовали всѣхъ Русскихъ. Полиція на всѣ эти безобразія смотрѣла съ полнымъ равнодушіемъ. Двухъ дамъ повалили на землю, и толпа съ гикомъ прошла черезъ нихъ. Не было предѣловъ издѣвательствамъ.

Злополучная семья купца Нанкина, возвратившаяся изъ Криницы находилась въ пути 13 сутокъ, въ теченіе которыхъ буквально голодала.

Одну ночь семья провела въ Кенигсбергѣ на крѣпостномъ валу. Мать и пятеро малолѣтнихъ дѣтей всю ночь спали на голыхъ камняхъ. Утромъ одинъ изъ караульныхъ солдатъ съ усмѣшкой спросилъ ихъ:

— Мягко ли было спать?

А затѣмъ мать увели на допросъ въ политическую полицію, подозрѣвая ее въ шпіонствѣ, а дѣтей оставили пока въ крѣпости.

Г-жа Н. передаетъ, что отъ давки въ вагонахъ у нѣкоторыхъ женщинъ произошли выкидыши.

Казалось бы трудно превзойти все то, о чемъ сообщали русскіе страдальцы, возвратившіеся изъ Александрова, Вержболова, Торнео и другихъ мѣстъ, но черная туча германской жестокости все растетъ и растетъ...

Разсказы прибывшихъ русскихъ бѣглецовъ изъ Бреславля рисуютъ картины жестокостей, превосходящихъ все, что продѣлывали въ свое время съ плѣнными турки.

Госпожа Д. разсказываетъ:

— Около 18 русскихъ, къ сожалѣнію, вѣрившихъ въ то, что войны не будетъ, остались въ Франценсбадѣ до прошлой субботы. Въ воскресенье настроеніе стало, однако, столь тре-

вожно, что мы рѣшили покинуть Австрію. Въ поѣздѣ мы очутились въ обществѣ австрійскихъ пьяныхъ резервистовъ.

Австрійцы всѣ были пьяны. Гнусно приставали къ женщинамъ. Говорили пошлости. Лѣзли цѣловаться. Издѣвались надъ русскими...

Въ нашемъ вагонѣ всѣ дамы прекрасно владѣли нѣмецкимъ языкомъ и въ ужасѣ скрывали свое русское происхожденіе. Приходилось стискиватъ зубы изъ-за маленькихъ дѣтей, которыя были у насъ на рукахъ.

У одной изъ ѣхавшихъ со мной дѣвушекъ изсякло терпѣніе. Она шепнула мнѣ на ухо:

— Я сейчасъ ударю этого наглеца-австрійца по лицу.

Пришлось убѣждать ее пожалѣть ни въ чемъ неповинныхъ нашихъ дѣтей. Для меня было ясно, что эти звѣри, потерявшіе всякій человѣческій образъ, способны насъ растерзать.

Наконецъ, мы на германской границѣ.

Въ поѣздѣ пьяныхъ больше не видать. Это объясняется тѣмъ, что всѣ рестораны, трактиры и винныя лавки закрыты уже въ Германіи въ теченіе 10-ти дней.

Всюду слышится лязгъ оружія. Грохотъ передвигающихся пушекъ заглушаетъ шумъ поѣзда. Звенящіе удары тысячъ подкоръ кавалеріи со свистомъ забираются въ душу.

Вся линія дорогъ окружена сплошными цѣпями пѣхоты. Рядомъ съ нашимъ поѣздомъ тянутся обозы съ провіантомъ.

На каждой станціи въ открытыя окна комнатъ телеграфа видны нѣмецкіе офицеры и караульные.

Въ поѣздѣ у нѣмцевъ настроеніе подавленное, озлобленное, мрачное.

Они молчатъ. Тишина въ вагонѣ злѣе всякаго стона. Нѣтъ въ нихъ ни подъема, который намъ пришлось видѣть потомъ въ Россіи, ни вѣры въ успѣхъ, которую ощущаемъ мы всѣ теперь.

Въ русскихъ бѣглецахъ зародилась вѣра, что они, наконецъ, благополучно выберутся съ нѣмецкой почвы.

Послѣ томительнаго путешествія—Бреславль.

Съ жуткимъ чувствомъ подхожу къ желѣзнодорожной кассѣ, чтобы взять билетъ до русской границы.

Не успѣла я назвать пограничную станцію, какъ кассиръ, язвительно улыбнувшись, сказалъ:

— Какъ же, какъ же, сударыня, какъ-нибудь и когда-нибудь и съ кѣмъ-нибудь вы туда доберетесь.

Раздался свистъ, и подлѣ меня выросли два жандарма.

Они схватили меня, исцарапавъ лицо, за руки, вырвали у меня ребенка, котораго передали какому-то подозрительному субъекту въ статскомъ.

Затѣмъ меня насильно втащили въ какую-то комнату и туда же кинули рыдавшаго ребенка.

Явились новые жандармы.

По улицамъ Бреславля насъ потащили въ тюрьму.

Издали я видѣла другія женскія и мужскія тѣни въ сопровожденіи жандармовъ, направлявшихся видимо туда же, куда влекли и меня.

Когда я уставала и просила замедлить шагъ, жандармы пинками толкали меня впередъ.

Ссадины отъ ихъ ударовъ сохранились еще и до сихъ поръ.

Наконецъ, въ полуобморочномъ состояніи, еле держа несчастную свою дѣвочку на рукахъ, добралась я до тюрьмы.

Я ловила себя на желаніи очутиться въ одиночествѣ и хоть минуту не видѣть озвѣрѣвшихъ жандармовъ съ налитыми кровью глазами.

Каменно-желѣзный мѣшокъ, въ который насъ кинули, меня не испугалъ.

Я хотѣла вѣрить, что здѣсь оставятъ меня въ покоѣ. Однако, меня ждало глубокое разочарованіе.

Я была убѣждена, что увижу какую-нибудь женщину, тюремную надзирательницу. Я вѣрила, что женщина пойметъ мою муку и чувство матери, Но, когда за мной захлопнулись желѣзныя двери тюремныхъ воротъ, вмѣсто надзирательницы явился тюремный офицеръ. Я услышала его распоряженіе:

— Жандармъ, проведите эту русскую (слѣдовало ругательное слово) въ одиночную камеру. Ребенка слѣдовало бы отнять, но, чортъ съ ней!

Жандармъ пошелъ со мной по безконечнымъ коридорамъ, извилистымъ и витымъ лѣстницамъ, и, наконецъ, на четвертомъ или пятомъ этажѣ мы остановились. Заныль ключъ въ заржавѣвшей скважинѣ.

Я очутилась въ отвратительной, смрадной отъ сырости, камерѣ. Положила дѣвочку свою на грязную, твердую койку и хотѣла сѣсть на табуретку.

Смотрю жандармъ не уходитъ.

Я говорю.

— Что вамъ еще нужно?

Онъ плотоядно, отвратительно улыбается:

— Я обязанъ васъ обыскать и раздѣть до-нага.

Чувствую, что ноги у меня подкашиваются. Стараюсь овладѣть собой. Жандармъ приближается...

Въ моментъ, когда онъ пытается схватить меня за кофточку, я рѣзкимъ жестомъ отстраняю его руку. Это животное начинаетъ меня бить. Я кричу,—и это меня спасаетъ.

Изъ другихъ камеръ доносятся крики на русскомъ языкѣ. По лѣстницамъ бѣгутъ жандармы. Входятъ ко мнѣ въ камеру.

Я продолжаю кричать, и только тогда нѣмецкіе звѣри оставляютъ меня въ покоѣ.

Физическая пытка кончилась. Началась другая,—полная неизвѣстность.

Прошла ночь. Наступилъ день. И еще прошла ночь. И еще прошелъ день. А насъ, голодающихъ и жаждущихъ, все еще держали въ камерѣ.

Наконецъ, на третій день насъ вывели изъ тюрьмы.

Внизу ждало около 400—500 человѣкъ русскихъ женщинъ, стариковъ и дѣтей.

Насъ повели куда-то за городъ, гдѣ на колеѣ желѣзной дороги стояли черныя, грязныя товарныя платформы. Должно быть на нихъ возили мусоръ и каменный уголь.

Насъ довезли до какой-то станціи. Оттуда намъ указали направленіе нашего пути.

— Тамъ ваша Россія.

Съ криками радости, забывъ о мукахъ, объ утратѣ багажа, обо всѣхъ человѣческихъ горестяхъ, мы бросились бѣжать, чтобы скорѣе очутиться на дорогой русской землѣ.

Другая дама разсказываетъ, что она съ шестилѣтней дѣвочкой, попавъ въ ту же бреславльскую ловушку, была отвезена въ тюрьму.

Здѣсь жандармы вырвали изъ ея рукъ ребенка. Дѣвочку помѣстили въ одиночную камеру, отдѣльно отъ матери.

— Чѣмъ больше я рыдала,—разсказываетъ г-жа К.,—тѣмъ больше издѣвались жандармы.

Я молила ихъ:

— Оставьте со мною въ камерѣ хоть дѣвочку.

Они отвѣтили:

— Ничего съ вашимъ отродьемъ не случиться.

Въ теченіе трехъ сутокъ мою дѣвочку, неудержимо плакавшую, держали въ тюремномъ карцерѣ на хлѣбѣ и водѣ.

Когда я просила тюремнаго врача дать моей дочкѣ молока, онъ отвѣтилъ:

— Здѣсь—не гостиница и для русскихъ у насъ нѣтъ ни молока, ни вкусныхъ вещей.

И это былъ врачъ.

Тяжелую повѣсть, разсказанную женой возвратившейся изъ Швейцаріи съ 9-тилѣтнимъ сыномъ, передаетъ на столбцахъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“ Д. Даниловъ. Вотъ она:

18-го іюля выѣхали изъ Веве. По Швейцаріи ѣхали совершенно спокойно. Но уже въ Базелѣ, въ виду близости его къ границѣ Эльзасъ-Лотарингіи, стала замѣтна тревога. На германской же территоріи съ первыхъ шаговъ начались мученія.

Не помню, на какой именно станціи передъ Мангеймомъ насъ вдругъ высадили изъ поѣзда. Была ночь. Насъ погнали пѣшкомъ по городу и черезъ мостъ—въ Мангеймъ. Окруженные солдатами, подъ командой офицера, мы не шли, а бѣжали, такъ какъ нѣмцы, не считаясь съ тѣмъ, что въ толпѣ были женщины и дѣти, гнали насъ скорымъ маршемъ.

Мы вопили:

— Куда вы насъ гоните?

Было особой милостью то, что намъ отвѣтили:

— Мы получили свѣдѣнія, что здѣсь бродятъ русскіе шпіоны. Они собираются взорвать мостъ къ Мангейму. Для вашей же

безопасности мы пустили впередъ пустой поѣздъ, а васъ проведемъ пѣшкомъ.

Вздорность этого слуха была очевидна, но спорить не приходилось. Заботы о нашей безопасности не мѣшали, однако, конвою обращаться съ нами грубо, не лишая себя удовольствія насилія надъ Русскими.

Просьбы изнемогающихъ женщинъ о замедленіи хода не помогали. Всякаго, выдвинувшагося въ сторону изъ круга, загоняли прикладами или ударомъ шашки плашмя въ кругъ. По дорогѣ насъ встрѣчала озлобленная толпа, поощрявшая нашихъ мучителей враждебными возгласами по нашему адресу.

Цѣлый часъ продолжался этотъ мучительный ночной бѣгъ подъ градомъ брани и ударовъ отстающимъ.

Въ Мангеймѣ насъ усадили въ поѣздъ и отправили въ Берлинъ.

Въ столицу Германіи мы прибыли 19-го къ 12 ч. дня объявленія войны, за 6 часовъ до появленія на улицахъ Берлина манифеста Вильгельма.

Здѣсь мы сразу почувствовали чрезвычайное возбужденіе толпы и очень опредѣленное враждебное настроеніе „мирныхъ" нѣмцевъ по отношенію къ Русскимъ.

Внѣшнія проявленія совершенно необъяснимой для мирнаго населенія злобы я имѣла возможность испытать на себѣ въ первые же часы послѣ объявленія войны.

На вокзалѣ носильщики не хотѣли брать отъ насъ вещей. Въ магазинахъ отказывались продавать, открыто заявляя:

— Для русскихъ у насъ ничего нѣтъ.

Дѣвушки-продавщицы, незадолго передъ тѣмъ любезно ухаживавшія за щедрыми русскими кліентами, теперь были несдержанно грубы, смотрѣли волками.

Я зашла съ ребенкомъ въ ресторанъ Ашингера, чтобы запастить на дорогу провизіей. Я получила все, что требовалось, но послѣ долгихъ мытарствъ и униженій. Меня заставляли ждать подолгу, не отвѣчали на вопросы и сопровождали отвѣтъ ироническими, ехидными улыбочками, перешептываніемъ и бормотаніемъ.

Эти мелочные пріемы были настолько нелѣпы, что въ нихъ пропадала даже оскорбительность; оставалось безсмысленное раздраженіе быстро ожесточающихся людей, мстящихъ въ пустякахъ.

Нѣсколько часовъ моихъ разъѣздовъ по Берлину убѣдили меня, что положеніе Русскихъ въ толпѣ нѣмцевъ становится не только морально тяжелымъ, но и небезопаснымъ. Толпа взвинчивалась съ минуты на минуту. Раздавались угрожающіе выкрики по адресу Россіи и Русскихъ.

Я начинала бояться везшаго насъ шоффера. Мы поспѣшили на вокзалъ.

Здѣсь мы застали настоящую панику. Толпы Русскихъ, прибывшихъ послѣ насъ, ждали поѣзда. Всѣ они, какъ и я, были свидѣтелями растущей враждебности нѣмцевъ и всѣ спѣшили поскорѣе выбраться изъ Берлина.

Подали поѣздъ. Желѣзнодорожная администрація отказывалась давать намъ справки о направленіи. Желаніе вырваться изъ Германіи было настолько велико, что толпа ринулась къ поѣзду, не разбирая пути назначенія. Я съ ребенкомъ, имѣя билетъ на Эйдткуненъ, захлестанныя волной и собственнымъ нетерпѣніемъ, попали въ первый поданный поѣздъ, шедшій на Александрово.

Къ великому счастью нашему начальникъ поѣзда нѣмецъ оказался неожиданно любезенъ и внимателенъ. Онъ успокоилъ меня, сказавъ, что насъ довезутъ до Александрово по тѣмъ же билетамъ.

Несмотря на тѣсноту въ поѣздѣ, мы считали себя счастливыми: мы ѣхали въ Россію! Но мы не знали, что насъ ждетъ.

На второе утро мы прибыли въ Торнъ — пограничную нѣмецкую станцію.

Огромная партія русскихъ, пріѣхавшихъ наканунѣ, ждала здѣсь поѣзда на Александрово. Стало очевидно, что всѣмъ намъ отсюда не скоро выбраться.

Наростала тревога. Рядъ мелкихъ нѣмецкихъ придирокъ, грубостей и даже угрозъ, которыя мы уже испытали по пути въ Торнъ, усиливалъ эту тревогу.

Мучительно страдали дѣти. Станціонный буфетъ отказался отпускать русскимъ провизію. Съ неподражаемымъ хладнокровіемъ намъ было заявлено:

— Все, что здѣсь есть,—для нѣмцевъ.

Мы ждали поѣзда. Никто не зналъ, когда онъ будетъ и будетъ-ли вообще. Невѣроятные слухи начали возникать въ толпѣ: говорили, что насъ отсюда не выпустятъ.

Мы умоляли:

— Разрѣшите намъ отправиться къ русской границѣ пѣшкомъ.

Нѣмецкія власти отвѣтили, что онѣ не могутъ взять на себя отвѣтственность за рискъ, которому мы себя подвергаемъ, такъ какъ, де, русскія войска разстрѣляютъ насъ при приближеніи къ границѣ. Мы возражали, что это—вздоръ, что отъ своихъ намъ не грозитъ никакой опасности, ни обиды. Нѣмцы были непреклонны.

Пришлось покориться. Черезъ нѣсколько времени намѣ заявили, что русская пограничная администрація согласилась принять насъ. Будетъ пущенъ поѣздъ подъ бѣлымъ флагомъ.

Нашему ликованію не было конца. Близость конца тревогамъ пребыванія во враждебной странѣ придала намъ силы. Намъ казалось, что мытарства окончены и черезъ какихъ-нибудь полчаса—часъ мы будемъ въ безопасности, среди своихъ. Кто не слыхалъ плача дѣтей и женщинъ прошлой ночи, когда насъ гнали, какъ стадо въ Мангеймъ, тотъ не пойметъ этой радости и чувства приближающагося покоя.

Мы побросали всѣ вещи. Насъ грубо вталкивали въ поѣздъ, заперли двери и окна, грозили растрѣломъ всякому, кто выглянетъ въ окно.

Все это теперь казалось намъ мелкимъ „неудобствомъ" пути. Мы готовы были благословить давку и невыносимую духоту въ вагонахъ, простить нѣмцамъ всю вчерашнюю жестокость за то, что они, наконецъ, везутъ насъ въ Россію.

Но какъ жестоко мы ошиблись, повѣривъ имъ! Насъ безчестно обманули.

Когда прошло больше времени, чѣмъ было нужно, по нашему расчету, чтобы пройти небольшую пограничную полосу Торнъ—Александрово, а поѣздъ все шелъ, и русской границы не было видно, насъ снова наполнила тревога. Посыпались вопросы конвою:

— Куда насъ везутъ?

Въ отвѣтъ—молчаніе, загадочныя улыбки и зловѣщее для насъ:

— Увидите!

Мы увидѣли. Обманнымъ путемъ насъ повезли назадъ по Германіи въ Штеттинъ. Въ 8 час. вечера насъ выбросили тамъ, не сказавъ ни слова, не объяснивъ, зачѣмъ насъ сюда привезли и что намъ готовятъ.

Зачѣмъ понадобились нѣмцамъ этотъ грубый обманъ и атмосфера зловѣщей таинственности, которой насъ окружали? Исключительно для того, чтобы запугать насъ, заставить пережить ужасъ неизвѣстности, предчувствовать всевозможныя несчастья. И до сихъ поръ намъ такъ много ужъ грозили смертью, что это таинственное путешествіе взаперти къ невѣдомой цѣли направляло всѣ наши мысли къ трагической развязкѣ.

Настроеніе стало невыносимымъ. Слышался плачъ, истерическіе крики. Нѣкоторые прощались другъ съ другомъ. Но худшее было все еще впереди.

Оно настало въ Штеттинѣ, гдѣ насъ выгрузили, какъ скотъ. Эта аналогія пріобрѣтаетъ характеръ полнаго тождества, если я скажу, что всѣхъ насъ привели подъ конвоемъ на... скотобойню.

Зданіе скотобойни въ Штеттинѣ помѣщается на большой площади. Должно быть, въ видѣ особой милости нежелавшимъ оставаться въ зданіи скотобойни было разрѣшено расположиться снаружи на площади. Гдѣ было хуже—сказать трудно. Внутри скотобойни измученные „туристы" свалились на солому, брошенную „любезными хозяевами" на-земь. Среди грязи, помета и лужъ на асфальтовомъ полу мы „отдыхали". Только женщинамъ удалось устроиться на пальто, предложенныхъ имъ мужчинами. Оставшіеся на площади подъ открытомъ небомъ лежали на голомъ камнѣ мостовой.

Для полноты картины укажу, что въ скотобойнѣ былъ большой загонъ для свиней, весь переполненный его законными обитателями.

Мнѣ нужно было пройти съ ребенкомъ въ уборную. Когда я спросила одного изъ сторожившихъ насъ шуцмановъ, куда мнѣ пройти, онъ съ небрежнымъ жестомъ еле уронилъ:

— На улицу.

Другой указалъ мнѣ „уборную", помѣщавшуюся въ свиномъ загонѣ. Но при нашемъ приближеніи свиньи подняли от-

чаянный визгъ, заметались, какъ бѣшеныя, и мы предпочли бѣжать.

Свиньи визжали непрерывно. Въ этой обстановкѣ свыше 1000 человѣкъ провели около 4-хъ часовъ, почти до 12 часовъ ночи. Мой мальчикъ спалъ на каменномъ полу, подостлавъ пальто, любезно уступленное намъ однимъ изъ спутниковъ, и положивъ голову ко мнѣ на колѣни.

Мы пытались узнать, зачѣмъ насъ здѣсь держатъ и сколько времени намъ придется здѣсь провести. Намъ отвѣчали съ улыбкой:

— Можетъ быть недѣлю, можетъ быть мѣсяцъ, а можетъ быть и годъ. Вы—военно-плѣнные.

Таковъ былъ игривый германскій юморъ въ такія минуты.

Около полуночи пришелъ комендантъ съ нѣсколькими представителями города. Онъ оглядѣлъ насъ, скотобойню и не безъ игривости сказалъ:

— Помѣщеніе не важное.

Онъ обѣщалъ перевести насъ въ какой-то гимнастическій залъ и накормить.

И это оказалось ложью. Но очень скоро послѣ визита коменданта насъ опять подняли и съ необычайной торопливостью стали усаживать въ поѣздъ.

Опять везутъ.

— Куда?

— На островъ Рюгенъ. Тамъ—курортъ: васъ устроятъ съ большимъ комфортомъ.

На вокзалѣ при посадкѣ въ поѣздъ царила невѣроятная паника. Наши мучители торопили насъ, толкали, ругали. Крикъ женщинъ и дѣтей не умолкалъ. Насъ швыряли въ вагоны, какъ тюки. Въ шестимѣстное купэ вталкивали по 25 человѣкъ.

Здѣсь мнѣ пришлось быть свидѣтельницей первыхъ человѣческихъ жертвъ.

Въ страшной паникѣ и толкотнѣ изъ толпы, пробивавшейся къ вагонамъ, раздался нечеловѣческій, смертный крикъ, до сихъ поръ звучащій въ моихъ ушахъ. Сначала—дѣтскій, потомъ—женскій: вопль погибающаго. Онъ и былъ таковъ: въ охваченной безуміемъ толпѣ были раздавлены на-смерть женщина и ея ребенокъ.

Въ невыразимо тяжеломъ состояніи духа мы двинулись дальше. Д в а д н я м ы г о л о д а л и. Дѣтямъ, просившимъ ѣсть, мы могли отвѣтить слезами. Ѣсть намъ не давали, но воду носили ведрами.

На третій день выѣзда изъ Берлина насъ привезли на островъ Сасницъ. Цѣлый день мы потратили на путешествіе по балтійскому острову, не зная, куда насъ везутъ. Все это время было заполнено издѣвательствами, оскорбленіями, угрозами нашихъ „героевъ-побѣдителей“. Насъ намѣренно терроризировали. Помню, на о. Сасницъ такую сцену. Мы сидимъ въ поѣздѣ. Передъ окнами вдоль вагоновъ—цѣпь нѣмецкихъ солдатъ, лицомъ къ намъ. Лица злобно-насмѣшливыя или тупо-равнодушныя.

Вдругъ начинается движеніе въ конвоѣ. Солдаты на нашихъ глазахъ быстро заряжаютъ ружья. Мы видимъ мрачные, сосредоточенные взгляды.

Въ вагонѣ — ужасъ надвигающейся смерти. Мгновенье — жуткое молчаніе. Потомъ истерическіе крики женщинъ и рѣзкій плачъ дѣтей.

Сидящій рядомъ со мной пожилой человѣкъ, врачъ, говоритъ дрожащимъ голосомъ:

— Вы знаете, что насъ ожидаетъ? Разстрѣлъ... разстрѣлъ... разстрѣлъ!

Онъ повторяетъ это слово почти безсмысленно, какъ помѣшанный...

Мы готовимся къ смерти. А солдаты, увидя трепетъ обреченныхъ, опускаютъ ружья и... улыбаются. Нѣкоторые хохочутъ громко.

То была игра... Веселая забава волковъ съ пойманными кроликами. Можетъ быть, впрочемъ, это было и испытаніе прусскаго боевого мужества?..

Другая сцена. На о. Сасницъ во время нашей стоянки на какой-то станціи вдругъ на площади передъ вокзаломъ появились какіе-то чиновники; принесли столы, бумаги, и приготовились къ какому-то бумажному священнодѣйствію. Все продѣлывалось съ такой мрачной серьезностью и нѣмецкой методичностью, что мы рѣшили:

— Сейчасъ насъ будутъ судить и... разстрѣляютъ...

Зловѣщая процедура такъ же быстро и нелѣпо окончилась, какъ и началась. Что она означала? Не знаемъ... Но для насъ это была минута изъ тѣхъ, когда люди сѣдѣютъ...

Прошли и эти мучительныя сутки. Я не стану перечислять всѣхъ случаевъ издѣвательства, жестокостей, побоевъ, угрозъ. Четыре дня насъ держали въ безпрерывномъ ожиданіи смерти. Я—и не я одна—была глубоко увѣрена, что мы не доѣдемъ до Петербурга. Наше настроеніе вы поймете по тому, что мы приступили въ поѣздѣ къ составленію списковъ погибающихъ, какъ терпящіе крушеніе въ морѣ. Каждый внесъ свое имя, адресъ. Мы надѣялись гдѣ-нибудь опустить этотъ списокъ въ почтовый ящикъ или на то, что кто-нибудь уцѣлѣетъ въ предстоящей бойнѣ и передастъ списокъ въ Россію: пусть узнаютъ, кто и гдѣ погибъ или томится въ плѣну.

На пятый день намъ вдругъ заявили:

— Кто хочетъ, можетъ отправиться на пароходѣ въ Швецію. Кто не можетъ—останется здѣсь въ качествѣ военно-плѣннаго до конца войны. Женщины будутъ шить на нашихъ раненыхъ. Мужчины пойдутъ на земляныя работы. Всякій, вышедшій за отведенную черту, будетъ судимъ военно-полевымъ судомъ и разстрѣлянъ. За правильную доставку провіанта не ручаемся.

Все это говорилось завѣдомо безъ цѣли и смысла, но съ убійственной, давящей серьезностью.

Можно понять, что мы всѣ, какъ безумные, ринулись къ двумъ ожидавшимъ насъ пароходамъ. Въ этой давкѣ матери

теряли дѣтей. Я сама чуть не осталась на берегу, тогда какъ мальчика моего унесъ на рукахъ на пароходъ одинъ изъ спутниковъ, сдѣлавшій намъ много добра... Спасибо доброму нѣмецкому солдату (нашелся такой!), который, увидя, что меня отдѣлили отъ сына, почти внесъ и меня на бортъ парохода...

Пароходъ, наконецъ, отчалили... Берегъ Германіи сталъ удаляться. Мы были спасены!

Но ужасы еще не кончились. Мнѣ пришлось быть свидѣтельницей еще трехъ катастрофъ. На пароходѣ отъ пережитыхъ сотрясеній сошла съ ума дама. Она бросилась въ море. Ее спасли. Потомъ въ пути отъ Мальме до Стокгольма объявился другой безумецъ: молодой человѣкъ. Онъ цѣлыми днями ходилъ по вагонамъ и искалъ свой пропавшій желтый чемоданъ.

Итого—четыре жертвы въ одной партіи: задушенная женщина и дѣвочка, двое безумныхъ. Впрочемъ, на вокзалѣ въ Штеттинѣ распорядительный нѣмецкій конвоиръ столкнулъ одну даму съ перрона подъ стоявшій вагонъ... Но она только жестоко расшиблась...

Возвратившійся вчера изъ Германіи въ Петербургъ членъ Гос. Думы Свѣнцицкій разсказываетъ о мытарствахъ, пережитыхъ Русскими въ Германіи.

— Послѣднее время,—говоритъ Свѣнцицкій,—я проживалъ въ Киссингенѣ.

Въ день объявленія Германіей войны Россіи я оставилъ курортъ и направился въ Берлинъ для дальнѣйшаго слѣдованія въ Россію.

Пріѣхавъ въ Берлинъ, я остановился въ гостиницѣ. Ночью кто-то постучался въ дверь.

Оказывается явилась полиція. На мой вопросъ, зачѣмъ они пришли, мнѣ отвѣтили, что сейчасъ некогда объясняться, и предложили немедленно отправиться въ полицейское управленіе.

Все это дѣлалось съ такой поспѣшностью и торопливостью, что я даже не успѣлъ, какъ слѣдуетъ, одѣться.

Подъ усиленнымъ конвоемъ ночью меня вели по центральнымъ улицамъ Берлина, доставили въ какую-то тюрьму и посадили въ одиночную камеру.

Мнѣ не дали ни ѣсть, ни пить.

Около 10 час. утра камеру мою открыли. Провѣрили документы и послѣ долгихъ разспросовъ о цѣли и причинахъ пріѣзда въ Германію мнѣ предложили въ 24 часа выѣхать на родину, грозя въ противномъ случаѣ поступить со мною по законамъ военнаго времени.

Я, конечно, немедленно отправился на вокзалъ. Но въ пути мнѣ пришлось наблюдать случай возмутительнаго, вызывающаго отношенія со стороны нѣмцевъ къ Русскимъ.

На вокзалѣ толпы Русскихъ осаждали поѣздъ. Носильщиковъ не было. Старики, женщины и дѣти сами вынуждены были таскать на себѣ багажъ.

Пассажиры стояли въ проходахъ, на площадкахъ вагоновъ, мечтая только объ одномъ—какъ бы скорѣе выбраться изъ Берлина.

Дорога была ужасная. Паническій страхъ все время царилъ въ поѣздѣ. Многіе пассажиры въ пути заболѣли.

Добрались, наконецъ, до Ростока. Тамъ мы застали другой поѣздъ изъ Берлина. Отъ пассажировъ его мы узнали, что нѣмецкія власти арестовали огромное количество Русскихъ и распредѣлили ихъ по тюрьмамъ.

Аресты производились при ужасныхъ условіяхъ. Въ началѣ заявили, что будутъ арестованы не только мужчины въ возрастѣ 18—40 лѣтъ, но и старики, и женщины. Затѣмъ, нѣмецкія власти измѣнили свое рѣшеніе: стариковъ и женщинъ освободили.

Аресты имѣли мѣсто и въ нашемъ поѣздѣ. На моихъ глазахъ арестована была большая партія Русскихъ, въ томъ числѣ членъ Гос. Думы Гостицкій, мой знакомый изъ Варшавы г. Зелинскій и друг.

Арестованныхъ изъ нашего поѣзда отправили въ казармы и тюрьмы. Тогда же было заявлено, что всѣ арестованные зачислены въ военно-плѣнные и будутъ отправлены внутрь Германіи на полевыя работы.

Но эти картины блѣднѣютъ передъ тѣмъ, что творилось по приходѣ нашего поѣзда въ Вандермюнде—пограничный пунктъ Германіи.

Здѣсь пассажирамъ надо было пересаживаться на пароходъ, идущій въ Данію.

Администрація заявила, что пароходовъ больше нѣтъ, что сообщеніе между Германіей и Даніей окончательно прервано и что прибывшіе должны остаться въ Германіи на все время войны.

Трудно описать, что творилось среди пассажировъ. Море слезъ, обмороки, истерики.

Послѣ долгихъ переговоровъ съ администраціей мнѣ удалось, наконецъ, снестись съ нѣмецкими властями. Послѣднія согласились выпустить всѣхъ прибывшихъ въ Вандермюнде Русскихъ пассажировъ на родину.

Переговоры, однако, осложнились тѣмъ, что датскія власти сначала отказались принять пароходъ, очевидно, изъ-за отсутствія свободнаго мѣста въ порту.

Послѣ вторичной бесѣды нѣмецкихъ и датскихъ властей, наконецъ, удалось зафрахтовать пароходъ, и всѣ пассажиры съ большимъ трудомъ переѣхали въ Данію.

Гнусное варварство нѣмцевъ не имѣетъ границъ. Не осталось и слѣда культуры въ этихъ грубыхъ, подлыхъ людяхъ, издѣвавшихся надъ беззащитными людьми, надъ слабыми женщинами и несчастными дѣтьми. Позорныя страницы вписали нѣмцы въ свою исторію, которыя никогда ничѣмъ не смогутъ сгладиться.

— Я пріѣхалъ въ Берлинъ съ больной сестрой,—разсказываетъ одинъ студентъ московскаго университета, — вечеромъ 19 іюля. По улицамъ ходили толпы пьяныхъ солдатъ призывныхъ и простыхъ уличныхъ гулякъ. Бранные крики по адресу Россіи висѣли въ воздухѣ. Враждебныя Россіи демонстраціи не прекращались до самаго утра. Группы демонстрантовъ стяги-

вались къ зданію русскаго посольства и тутъ онѣ давали себѣ полную волю. Кошачьи концерты смѣнялись гуломъ бранныхъ возгласовъ.

Для Русскихъ все было закрыто. Ни въ одномъ кафэ, ни въ одной лавочкѣ Русскому нельзя было ни за какія деньги достать куска хлѣба или стакана воды. Грубому издѣвательству надъ Русскими не было конца.

Я видѣлъ, какъ въ одно кафэ на Лейпцигштрассе вошелъ старикъ Русскій и умолялъ дать ему стаканъ воды. Кельнеръ, поддерживаемый публикой, насмѣшливо отказалъ, говоря, что онъ успѣетъ напиться русской воды. Другой кельнеръ видимо сжалился надъ несчастнымъ старикомъ и согласился принести воды, только потребовалъ деньги впередъ. У старика не было мелкихъ и онъ далъ кельнеру билетъ въ 50 марокъ. Старику подали стаканъ воды, но неуспѣлъ тотъ его выпить, какъ грубо былъ вытолкнутъ на улицу и подъ хохотъ озвѣрѣлыхъ нѣмцевъ ему крикнули, что сдачу ему сдадутъ, когда придутъ сами въ Петербургъ.

Вполнѣ открытое мародерство приходилось наблюдать всюду. Больше всего страдали женщины: отъ нихъ отбирали золотыя украшенія, драгоцѣнности, обыскивали кошельки; деньги отбирались и оставляли только гроши. На улицахъ Берлина происходили потрясающія сцены, когда грубые шуцманы и солдаты арестовывали, какъ военно-плѣнныхъ русскихъ мужчинъ отъ 17 до 45 лѣтъ, и разлучали отцевъ и братьевъ отъ своихъ семей. Не давали и словомъ перекинуться, и женщины и дѣти оставались въ буквальномъ смыслѣ брошенными на произволъ судьбы.

О томъ, какъ были переполнены вагоны съ поѣздами, въ которыхъ ѣхали Русскіе, нельзя имѣть никакого представленія, не видѣвъ воочію,—разсказываетъ очевидецъ.—Достаточно сказать, что въ уборныхъ было по пяти человѣкъ. О багажѣ, даже о ручныхъ саквояжахъ никто и не думалъ. Во-первыхъ носильщики отворачивались отъ Русскихъ или брали квитанціи и деньги и потомъ исчезали; во-вторыхъ, чтобы протискаться въ вагонъ и достать себѣ тамъ хоть уголокъ мѣста, надо было забыть о какихъ бы то ни было пакетахъ и саквояжахъ.

Отъ голода и жажды со многими были случаи обмороковъ. У нѣмцевъ не было ни жалости къ женщинамъ, ни къ больнымъ, ни къ дѣтямъ. Везли больного слабаго мальчика. Отца задержали въ Берлинѣ, отъ матери отобрали почти всѣ деньги, оставивъ изъ нѣсколькихъ сотъ марокъ 30 марокъ. На одной изъ остановокъ, какъ разъ противъ окна вагона, группа нѣмецкихъ офицеровъ обильно закусывала и выпивала. Мать больного ребенка обратилась къ нимъ съ мольбой дать ему испить. Одинъ офицеръ подъ хохотъ достойныхъ своихъ товарищей поднесъ кружку пива. Ребенокъ съ жадностью приникъ къ ея краямъ и тотчасъ съ отвращеніемъ оттолкнулъ кружку—пиво было обильно посолено.

Въ вагонахъ все время толкались солдаты. Проходные коридоры были сплошь, плечемъ къ плечу, заполнены публикой. Сол-

даты не стѣснялись расталкивать ее, ударяли женщинъ, дѣтей, нарочно наступали тяжелыми сапогами на ноги и цинично посмѣивались надъ молодыми женщинами.

— Въ отдѣленіе вагона, въ который мнѣ какимъ-то чудомъ удалось попасть,—разсказываетъ помѣщикъ Трескинъ,— были втиснуты двѣ женщины. Онѣ оказались сестрами К. Онѣ пріѣхали изъ Гейдельберга въ Берлинъ 18 іюля; ихъ сопровождалъ знакомый русскій студентъ. 19-го числа утромъ, переночевавъ въ какой-то третьеклассной гостиницѣ, въ крохотномъ номеркѣ, за который они заплатили сто марокъ, они пошли узнавать, какъ выбраться изъ Берлина. На какой-то улицѣ ихъ остановилъ нарядъ шуцмановъ, на улицѣ подвергъ обыску и отвелъ въ полицейское управленіе на Absanderplatz. Студента куда-то увезли, а обѣихъ сестеръ заперли въ какой-то вонючій, грязный чуланъ съ узенькой лавочкой по стѣнѣ. Было до того душно, что онѣ боялись потерять сознаніе. До утра 20 іюля имъ не дали ни капли воды и только бросили небольшую черствую булку, ѣсть которую было нельзя. Утромъ ихъ вывели изъ чулана и изъ отобранныхъ наканунѣ трехсотъ марокъ вернули 100 марокъ и буквально вытолкнули на улицу, пригрозивъ если онѣ сегодня не уберутся въ свою свинскую страну, и если опять попадутся на глаза, то съ ними будетъ поступлено еще не такъ.

— Когда мы подъѣхали къ шарлоттенбургскому вокзалу на автомобилѣ,—разсказываютъ намъ,—то толпа нѣмцевъ встрѣчала всѣхъ подъѣзжавшихъ Русскихъ криками негодованія и злобными ругательствами. Нѣмцы въ своей злобѣ доходили до того, что буквально оплевывали лица беззащитныхъ Русскихъ. Кто-то изъ Русскихъ, поднимаясь по ступенямъ подъѣзда, споткнулся и упалъ. Его не только не поддержали, но такъ избили ударами сапогъ, что на несчастномъ буквально не осталось живого мѣста и только запоздалое вмѣшательство шуцмановъ спасло его. Его на рукахъ донесли до вагона и кое-какъ туда впихнули.

— На шарлоттенбургскомъ вокзалѣ,—расказываетъ очевидецъ,—пришлось быть свидѣтелемъ потрясающей сцены, какъ отходившій поѣздъ увезъ мать ребенка, мальчика 7—8 лѣтъ, который остался на перронѣ.

О тѣхъ гумленіяхъ, издѣвательствахъ, оскорбленіяхъ и побояхъ, которымъ они подвергались въ предѣлахъ Германіи, разсказываетъ одинъ изъ прибывшихъ Русскихъ, вице-адмиралъ Ц.

— Передъ объявленіемъ войны въ Швейцаріи, какъ и всегда, жило много лечившихся въ курортахъ, среди которыхъ, помимо Русскихъ, было много Англичанъ Датчанъ, Шведовъ, и др. Когда стало извѣстнымъ, что Швейцарія мобилизуется,—это было 18 іюля, всѣ иностранцы стали собираться, чтобы поспѣть до запрещенія выѣзда. 19 іюля уже не выдавали билетовъ на Базель, такъ что пришлось ѣхать на Берлинъ, черезъ Штутгадтъ и Шафгаузенъ. Нѣмцы сажали насъ въ вагоны для скота. На слѣдующій день мы добрались до Берлина. Съ нами ѣхалъ молодой графъ С. съ женой. Въ Берлинѣ намъ нужно было пересаживаться на Штеттинскій вокзалъ. На вокзалѣ мы пробовали

купить что-нибудь въ буфетѣ, такъ какъ не ѣли ничего двое сутокъ. Лишь только кто-либо изъ насъ подходилъ къ буфету, тотчасъ же и отскакивалъ отъ него. Потрясая кулаками, жирные, наглые нѣмцы кричали:

— Вонъ отсюда, русскія свиньи, если не хотите быть избитыми!..

Около вокзала разбросано много кафэ. Думали тамъ что-нибудь купить. Еще хуже. Всѣ кафэ биткомъ набиты пьяными хулиганами, сыщиками и какимъ-то отбросомъ, который ранѣе ютился на окраинахъ города.

Всѣхъ тѣхъ, кто подходилъ къ кафэ, вся эта пьяная банда оскорбляла не только словами, но и дѣйствіями, а иныхъ хватали и куда-то волокли...

Наконецъ, около пяти часовъ утра, голодные, усталые отъ трехъ безсонныхъ ночей, мы выѣхали на Вернемюнде съ тѣмъ, чтобы съ первымъ пароходомъ добраться до береговъ Даніи. Вотъ тутъ-то и начинается тотъ кошмаръ, который никѣмъ изъ насъ не забудется во всю жизнь.

Когда поѣздъ остановился около Нейстерлица, на платформѣ насъ встрѣтили: полиція, жандармы, вахтеры, сыщики. И тотчасъ же вся эта банда,—иначе ихъ назвать нельзя,—стала выталкивать насъ изъ вагоновъ и выбрасывать наши вещи. Это называется—обыскъ. Многіе во время этой сутолоки захватывали чужія вещи, многіе остались здѣсь же на платформѣ, такъ что сплошь и рядомъ одни дѣти, безъ родителей, были увезены неизвѣстно куда. Многіе изъ насъ остались тутъ же, такъ какъ поѣздъ стоялъ всего двѣ минуты.

Оставшихся въ Варнемюнде подъ конвоемъ обыскивавшей пассажировъ банды отправили въ казармы.

Мы всѣ были обезсилены голодомъ и безсонными ночами, особенно женщины и дѣти. Естественно, многіе отставали. Ихъ „подгоняли“ прикладами, кулаками, ножнами отъ шашекъ.

Отстаетъ старикъ... Разъ!.. Раздается глухой ударъ въ спину прикладомъ. Онъ со стономъ валится на землю.

Съ женщинами истерика. Дѣти надрываютъ душу нечеловѣческими криками. Съ нѣкоторыми происходитъ буквально столбнякъ. Картина ужасная.

А вслѣдъ намъ раздалась ругань, самая отборная, толстыхъ, безобразныхъ нѣмокъ. Онѣ подбодряли озвѣрѣвшихъ солдатъ и жандармовъ криками:

— Бей ихъ, русскихъ свиней. Научи ихъ, мерзавцевъ, маршировать!..

И тѣ, подбодренные, били...

Такая сцена.

Какой-то господинъ во время „обыска“ на ст. Варнемюнде впопыхахъ захватилъ чей-то свертокъ. По дорогѣ въ казармы онъ развернулъ свертокъ, увидѣлъ, что это не его вещи, и бросилъ его въ сторону. Это замѣтилъ полицейскій и спустилъ на него полицейскую собаку. Моментъ, и та вцѣпилась этому господину въ горло. Въ слѣдующій моментъ онъ лежалъ на землѣ,

а на немъ собака. Она терзала его, какъ тряпку, грызла лицо, которое моментально превратилось въ одну сплошную рану. Пока на его крики подошелъ полицейскій чинъ, онъ былъ буквально весь истерзанъ собакой.

Я не могу описать того, что произошло тогда. Женщины лишались сознанія, дѣти судорожно впивались руками въ перваго попавшагося, моля о защитѣ. Случалось, что они цѣплялись за полицейскихъ, и тѣ отбрасывали ихъ, какъ собакъ...

Добрались до Ростока. Намъ запретили разговаривать въ вагонѣ и открывать окна. Когда мы остановились въ Ростокѣ, нѣмецкіе вахтеры раскрыли въ вагонахъ окна и, что было мочи, въ длинныя трубы стали играть „Стражу на Рейнѣ"... Получалось что-то дикое, что совершенно оглушало и доводило до новыхъ истерикъ...

Въ Ростокѣ насъ раздѣли по возрасту. Мужчинъ до 50 лѣтъ, а также всѣхъ докторовъ, оставляли въ качествѣ военно-плѣнныхъ, а старше—отпускались...

Въ совершенно истерзанномъ видѣ, больной и разбитый, послѣ 13-дневныхъ ужасныхъ потрясеній, въ Петербургъ вернулся Н. Л. Марковъ 1-й.

72-лѣтнему старику пришлось испытать столько унпженій и оскорбленій, о которыхъ депутатъ разсказываетъ со слезами на глазахъ и съ дрожью голоса.

— Наканунѣ объявленія войны я жилъ съ больной женой въ Гомбургѣ,—разсказываетъ Н. Л. Марковъ.—Ничто не предвѣщало, что завтра будетъ объявлена война. Когда за нѣсколько дней до объявленія войны въ Германіи началась открытая мобилизація, я явился въ банкъ, чтобы получить деньги по аккредитиву.

— Зачѣмъ вамъ деньги? Вамъ не нужны деньги! — нагло отвѣтили нѣмцы.

— Но мнѣ нечѣмъ заплатить въ гостиницѣ, я долженъ портному.

Нѣмцы смилостивились и дали мнѣ 800 марокъ.

Я тотчасъ же телеграфировалъ въ Берлинъ просьбу заказать мнѣ мѣста 1-го класса для жены и себя. Въ тотъ же день я получилъ телеграмму изъ гостиницы „Элитъ" о томъ, что мѣста заказаны на 11-часовой вечерній поѣздъ, отходящій въ Вержболово.

Когда я явился въ гостиницу, меня выгнали оттуда, заявивъ, что никакихъ мѣстъ нѣтъ.

Съ невѣроятными затрудненіями я добрался до вокзала, причемъ пришлось платить, напримѣръ, 10 марокъ за то, чтобы привели автомобиль, 10 марокъ за перенесеніе вещей и т. д.

Мы благополучно тронулись изъ Берлина, но черезъ нѣсколько часовъ на станціи Алленштейнъ мы неожиданно услышали команду:

— Русскіе и поляки выходите вонъ!

Мы стали звать носильщиковъ.

— Вы сами носильщики: Тащите сами вещи!

Насъ загнали на какой-то дворъ, гдѣ продержали съ 7 ча-

совъ вечера до 3 часовъ утра, причемъ отказывали не только въ пищѣ, но даже въ одеждѣ.

Пока мы сидѣли въ ожиданіи своей дальнѣйшей участи, насъ окружило мѣстное населеніе, мальчики и дѣвочки, которые всячески глумились надъ нами, щупали руками и вели себя крайне дерзко.

Совершенно случайно среди насъ оказался пасторъ одного русскаго поселка. На своей визитной карточкѣ онъ написалъ записку пастору Аллентшейна. Этотъ почтенный человѣкъ тотчасъ же явился, постарался насъ успокоить, и, благодаря ему, мы получили по куску чернаго хлѣба и колбасы.

Въ 4-мъ часу утра насъ посадили въ скотскій вагонъ, причемъ не дали даже соломы, и заявили, что насъ направятъ въ Данцигъ, гдѣ посадятъ на пароходъ.

Мы чувствовали себя счастливыми. Однако, нѣмцы, очевидно, желали всячески показать намъ, что мы въ ихъ рукахъ и повезли насъ зачѣмъ-то въ Шпандау.

Здѣсь на насъ навели два пулемета, и нѣмецкій офицеръ, всячески издѣваясь надъ нами, знаками показывалъ, что ему стоитъ только пустить ихъ въ ходъ — и отъ насъ не останется и слѣда.

Здѣсь же выстроились нѣмецкіе солдаты, которые направили на насъ ружья.

Изъ Шпандау насъ повезли въ Данцигъ, и лишь черезъ 29 часовъ, мы прибыли въ Штеттинъ, чтобы здѣсь пережить новыя мученія.

Трудно передать ужасъ всего пережитаго нами здѣсь.

Съ нами ѣхалъ, напримѣръ, молодой русскій офицеръ, штабсъ-капитанъ, кажется полякъ. Нѣмцы схватили его и такъ скрутили ему назадъ руки, что локти сошлись у него за спиной. Его куда-то отвели, предупредивъ, что разстрѣляютъ.

На пути мы встрѣчали поѣзда съ нѣмецкими запасными. Мы сами не имѣли права отворять двери вагоновъ, но запасные входили къ намъ безпрестанно и кричали:

— Русскія свиньи! Васъ везутъ въ Штеттинъ, чтобы тамъ утопить.

Когда мы, наконецъ, прибыли въ Штеттинъ, насъ заперли въ скотопригонномъ дворѣ. Мы должны были спать на каменномъ полу и смотрѣть, какъ рядомъ убивали животныхъ.

Здѣсь же невдалекѣ на скотопригонномъ дворѣ находилась партія бѣлорусскихъ рабочихъ, которымъ въ продолженіе трехъ дней не давали ничего ѣсть и заставили подписать бумагу о томъ, что они остаются въ Германіи и займутся уборкой полей.

Одинъ изъ нихъ пытался возражать, и его за это здѣсь же убили прикладами.

Въ Штеттинѣ нѣмцы занимались всяческимъ вымогательствомъ, умышленно не мѣняли денегъ и, принимая бумажки, отказывались давать сдачу.

Лишь дѣти и подростки дали намъ здѣсь возможность немного успокоиться, принеся съ собою хлѣбъ и молоко.

Когда мы, наконецъ, сѣли на пароходъ мы ихъ благодарили и устроили имъ настоящую овацію, на которую они отвѣтили намъ тѣмъ же.

30 іюня прибыли двѣ многочисленныя партіи русскихъ поляковъ, застигнутыхъ военной грозой въ германскомъ курортѣ Цоппотѣ, недалеко отъ Данцига. Надо отмѣтить, что Цоппотъ расположенъ въ области такъ называемыхъ Кашубовъ, представляющей собою далеко заброшенную исторической судьбой вѣтвь польскаго племени. Кашубы съ героической стойкостью противостоятъ натиску торжествующаго германизма и варшавскіе поляки считаютъ патріотическимъ долгомъ посѣщать спокойный и нарядный Цоппотъ, омываемый волнами „польскаго моря". Среди прибывшихъ изъ Торнео злосчастныхъ путниковъ — много выдающихся представителей польскаго общества: графъ Игнатій Мыцельскій, извѣстный польскій драматургъ и выдающійся журналистъ Казиміръ Залѣвскій, директоръ одного изъ варшавскихъ театровъ Павловскій, бывшій лидеръ польскаго коло и фактическій редакторъ народово-демократической „Варшавской Газеты" Романъ Дмовскій и многіе другіе. Съ этимъ поѣздомъ прибылъ также бывшій калишскій губернаторъ сенаторъ Дараганъ. Злосчастные путники разсказали жуткую эпопею своихъ мытарствъ. Въ день объявленія войны въ кургаузѣ были расклеены афиши, содержавшія распоряженія директора мѣстной полиціи о немедленномъ выѣздѣ всѣхъ русскихъ подданныхъ.

Пруссаки, до войны искусно носившіе личину культурности, внезапно обратились въ разнузданныхъ дикарей. «Heraus! Heraus!» — послышалось во всѣхъ концахъ кургауза. Польскимъ гостямъ пришлось на скорую руку уложить свои вещи, но желѣзнодорожное начальство отказалось наотрѣзъ принять вещи въ багажное отдѣленіе.

Варшава всего въ семи часахъ ѣзды отъ Цоппота. Но прусскія власти съ какою-то утонченной жестокостью направили польскихъ гостей по длиннѣйшему пути на Штеттинъ и Рюгенъ, возили ихъ въ товарныхъ вагонахъ и морили голодомъ. Нѣтъ возможности разсказать во всѣхъ кошмарныхъ подробностяхъ поистинѣ крестный путь злосчастныхъ путниковъ, неожиданно очутившихся во власти безжалостнаго прусскаго кулака. Это значило бы ломиться въ открытую дверь и доказывать навязшую уже у всѣхъ въ зубахъ истину, что современные пруссаки стоятъ внѣ культуры и скрываютъ подъ тонкимъ слоемъ внѣшняго лоска инстинкты первобытной дикости. Въ Штеттинѣ какой-то доблестный капитанъ арміи императора Вильгельма II ударилъ по лицу одну изъ польскихъ дамъ. Въ томъ же Штеттинѣ власти назначили ночлегъ оторваннымъ отъ родины полякамъ... на скотобойнѣ.

„Стоялъ удушливый запахъ крови. Я не могъ его вынести и вышелъ на дворъ. Шелъ проливной дождь, и я до ранняго утра простоялъ подъ нимъ, промокнувъ до послѣдней нитки.

Въ эту страшную ночь я прямо задыхался отъ безумной ненависти къ пруссакамъ. Когда-то я любилъ до обожанія Гете, Канта и Шиллера. Но въ эту незабвенную ночь я впервые понялъ, что Германія Шиллера и Гете куда-то безслѣдно провалилась въ какую-то бездонную пропасть и вмѣсто нея осталась Германія Гогенцоллерна, Германія грубаго кулачнаго права, гнойный нарывъ на тѣлѣ современнаго человѣчества. И внезапно зазвучали у меня въ памяти чудесныя строфы Тетмайера: „Когда-нибудь польскіе кони вихремъ помчатся на Данцигъ". На этотъ когда-то польскій Данцигъ. И подумать, что предокъ императора Вильгельма князь Альбертъ Прусскій, на краковскомъ рынкѣ, среди многотысячнаго стеченія народа, публично цѣловалъ руку нашего короля Сигизмунда Стараго, — „и печальная тѣнь пробѣжала по лицу стараго писателя, составившаго себѣ выдающееся имя въ польской литературѣ".

Кичливый задоръ нѣмцевъ не знаетъ никакихъ предѣловъ. Омерзителенъ цинизмъ ихъ самоувѣренной похвальбы. Въ Штеттинѣ они говорили полякамъ, что вскорѣ они увидятъ 200 плѣнныхъ казаковъ. Но это такъ и осталось въ области прусскихъ благожеланій. Въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ путники ничего не ѣли и не пили.

Пруссаки словно объявили ихъ внѣ всякихъ человѣческихъ законовъ. Мало того, на островѣ Рюгенѣ они настояли на томъ, чтобы поляковъ бросили въ корабельный трюмъ.

Только послѣ того, какъ пароходъ отошелъ далеко отъ негостепріимныхъ прусскихъ береговъ, капитанъ парохода рѣшился перевести поляковъ на палубу.

Характерная черта: пруссаки все время пугали поляковъ, что они застанутъ въ Варшавѣ однѣ лишь развалины, что весь край охваченъ революціей.

„Мнѣ кажется, что, если пруссаки не перестанутъ хозяйничать въ нашемъ краѣ, наши крестьяне снимутъ косы со стѣнъ и просто станутъ рубить головы офицерамъ доблестной арміи зазнавшагося Гогенцоллерна, публично бьющимъ по лицу беззащитныхъ женщинъ."

Вернувшійся изъ Берлина, черезъ Стокгольмъ и Торнео въ Петербургъ проф. М. Я. Пергаментъ, разсказывая о своемъ путешествіи, продолжавшемся почти 2 недѣли, прибавляетъ новые штрихи къ извѣстнымъ уже мученіямъ, перенесеннымъ русскими путешественниками, отправлявшимися изъ Германіи въ Россію.

Профессоръ отмѣчаетъ удивительную растерянность нѣмцевъ, которые въ первые дни послѣ объявленія войны совершенно не могли разобраться въ получаемыхъ ими инструкціяхъ. Каждые полчаса появлялось то одно, то другое начальствующее лицо дававшее совершенно противоположныя распоряженія. Иногда по цѣлымъ днямъ совершенно забывали о нѣсколькихъ стахъ русскихъ путешественниковъ, закрытыхъ въ вагонахъ.

Не говоря о томъ, что всѣ русскіе оставались безъ пищи, никого не выпускали для отправленія естественныхъ надобностей. Особенно тяжело это было для дѣтей, которыхъ въ

поѣздѣ оказалось очень много. Па почвѣ неизвѣстности и страховъ, въ этой партіи русскихъ путешественниковъ, 6 женщинъ сошло съ ума, безконечное множество билось въ истерикѣ и падало въ обморокъ. Одна женщина впала въ буйное помѣшательство и московскому профессору Д. М. Генкину пришлось 24 часа держать ее за руки, такъ какъ она грозила вырвать себѣ глаза, выброситься изъ вагона и т. д.

Перевозимымъ съ одного мѣста на другое партіямъ русскихъ путешественниковъ приходилось ночевать на скотопригонномъ дворѣ, въ бойняхъ, на улицѣ и т. д. Возили ихъ въ товарныхъ вагонахъ. Обыскивали безъ конца.

Проф. Пергаменту пришлось также очутиться на пресловутомъ островѣ Рюгенѣ. Однако,партію Русскихъ тамъ продержали недолго, хотя нѣмцы и угрожали имъ, что заставятъ Русскихъ работать во все время военныхъ дѣйствій.

Въ партіи, въ которой находился проф. Пергаментъ, оказались также проф. Котляревскій, прис. пов. Сліозбергъ, проф. московскаго университета Ф. И. Брандтъ, проф. московской консерваторіи Василенко, доцентъ московскаго коммерческаго института Д. П. Генкинъ и др.

6-го августа въ петербургскихъ газетахъ появилось слѣдующее письмо:

Въ маѣ этого года я поступилъ вмѣстѣ съ моимъ товарищемъ, ученикомъ бердянскаго мореходнаго училища, Александромъ Васильевичемъ Андреевымъ на грузовой нѣмецкій пароходъ „Оскаръ“. Мы возили пшеницу изъ Новороссійска въ Гамбургъ. Команда вся была нѣмецкая, кромѣ одного угольщика негра.

До объявленія войны отношеніе экипажа было замѣчательно дружелюбное. 19-го іюля (1-го августа по н. ст.) мы во время перехода въ Сѣверномъ морѣ узнали случайно отъ встрѣтившагося парусника о мобилизаціи флота и о начинающейся войнѣ.

Первый штурманъ „Оскара“ пришелъ въ дикую ярость и разразился потокомъ брани по адресу Россіи и Русскихъ. Мой товарищъ въ это время крѣпилъ шлюпку на спардекѣ; я былъ на бакѣ. Я сразу догадался въ чемъ дѣло, когда увидалъ штурмана подлѣ моего товарища. Съ ужасомъ я увидалъ, какъ штурманъ ударилъ въ затылокъ кулакомъ ничего не подозрѣвавшаго товарища. Я вытащилъ ножъ и бросился на спардекъ, на помощь товарищу, но нѣсколько матросовъ преградили дорогу и на меня посыпались удары. Послѣ одного удара въ голову, у меня потемнѣло въ глазахъ и я не могъ защищаться.

Меня поволокли въ клозетъ и подъ дикій вопль всей команды мазали человѣчьимъ каломъ. Потомъ, по распоряженію капитана Августа Вука, меня и моего товарища привязали шкотами къ борту и выбросили за бортъ—выкупаться. Потомъ моего товарища откачивали, сломавъ ему нѣсколько реберъ и вывихнувъ руку.

21-го іюля пришли въ Гамбургъ. Эти трое сутокъ до Гамбурга нѣмцы выдумывали самыя невозможныя вещи глумленія

надъ нами. Кромѣ плевковъ и пощечинъ, нѣмцы заставили негра противоестественно насъ насиловать. Все это привѣтствовалось восторженнымъ хохотомъ. До 21-го еще не объявляли военно-плѣнными застрявшихъ русскихъ моряковъ, и я поспѣшилъ бѣжать, бросивъ на произволъ судьбы нѣмцевъ моего умирающаго товарища, оставивъ всѣ документы о плаваніи въ ихъ рукахъ.

Въ добавленіе я могу только пожалѣть, что у насъ не принимаютъ во флотъ волонтеровъ. Такимъ образомъ, я почти лишенъ возможности отмстить нѣмцамъ, въ частности командѣ „Оскара“.

Штурманъ каботажнаго плаванія

Ив. Андр. Носовъ.

Черные дни Калиша, Ченстохова, Андреева и Вержболова.

— Нѣмцы вошли въ Калишъ на другой день послѣ объявленія войны, т. е. 20 іюля къ вечеру, разсказываетъ пріѣхавшій изъ Калиша очевидецъ разгрома города. Въ городѣ появился баталіонъ прусской пѣхоты и два эскадрона кавалеріи. Сейчасъ же началась жестокая реквизиція. Солдаты были расквартированы. Дѣлалось это съ особливой прусской грубостью. Такъ, напримѣръ, у владѣльца книжнаго магазина Михеля изъ четырехъ комнатъ квартиры три были отданы подъ постой пруссаковъ. Въ этихъ трехъ комнатахъ поселилось 12 солдатъ. Въ понедѣльникъ все шло сравнительно благополучно. По утрамъ расквартированные солдаты встрѣчали своихъ хозяевъ словами: „Gut Morgen“, а вечеромъ, уходя спать, прощались привѣтствіемъ: „Gute Nacht“. Мѣстнымъ стражникамъ пруссаки предписали оставаться въ формѣ и нести полицейскую службу, какъ раньше.

Но потомъ все круто измѣнилось. Дѣло въ томъ, что прусскіе кавалерійскіе патрули ушли изъ Калиша къ сѣверо-востоку на развѣдки. Тамъ они столкнулись съ русскими кавалеристами и въ стычкѣ потерпѣли полное пораженіе. Когда оставшіеся въ Калишѣ пруссаки объ этомъ узнали, началась месть,—озлобленная, дикая и подлая. Прежде всего къ начальнику прусскаго отряда былъ потребованъ президентъ города Буковинскій. Съ него потребовали денегъ въ видѣ контрибуціи съ города. Буковинскій заявилъ, что у него никакихъ денегъ нѣтъ. Тогда прусскій полковникъ позвалъ солдатъ и приказалъ его бить. Несчастнаго избили до полусмерти и выбросили окровавленнаго на улицу. Курьеръ магистрата, увидѣвъ Буковинскаго полумертвымъ, вынесъ на улицу подушку и матрацъ и положилъ раненаго. Пруссаки схватили его, отвели къ ближайшему забору и разстрѣляли.

Затѣмъ послѣдовалъ рядъ дикихъ экзекуцій надъ мирными обывателями. Къ прусскому полковнику привели управляющаго казначействомъ Соколова.

— Принесите сейчасъ всю наличность казначейства, приказалъ пруссакъ.

— У меня никакой наличности нѣтъ,—отвѣчалъ Соколовъ.

— Принесите книги.

Осмотрѣли книги, изъ которыхъ выяснилось, что въ казначействѣ должно находиться 200.000 руб.

— Гдѣ деньги?—закричалъ полковникъ.

— Вотъ телеграмма,—сказалъ Соколовъ,—которой мнѣ предписано сжечь всю наличность.

— Вы сожгли?

— Сжегъ.

— Разстрѣлять!—закричалъ пруссакъ.

Соколова тутъ же на улицѣ разстрѣляли.

Затѣмъ привели трехъ стражниковъ, которые стояли неподалеку.

Всѣ они были въ формѣ, при исполненіи своихъ обязанностей.

— Почему вы въ формѣ?—спросилъ полковникъ.

— По вашему предписанію,—отвѣчали они.

— Разстрѣлять всѣхъ троихъ.

Стражниковъ тутъ же прикончили.

Далѣе началась полная вакханалія. Хватали мирныхъ, преимущественно богатыхъ обывателей и объявляли ихъ заложниками. Первыми были захвачены обыватели съ нѣмецкими фамиліями—три богатыхъ фабриканта: Френкель, Дейчманъ и Миллеръ. Френкель отъ жестокаго обращенія съ нимъ умеръ. Двое другихъ были заперты въ погребъ. Наконецъ схватили предсѣдателя окружного суда Зеланда. Трупъ Френкеля запретили хоронить.

Во вторникъ, предъ уходомъ изъ Калиша, нѣмцы дошли до невѣроятнаго варварства. Солдаты ходили по улицамъ и пачками стрѣляли въ населеніе. Перебили много народа. Наконецъ, къ ночи пруссаки ушли и обыватели вздохнули съ облегченіемъ.

Телеграмма изъ Варшавы въ „Рѣчь" дополняетъ новыми ужасными штрихами картину германскаго звѣрства:

28-го іюля сюда прибыло много бѣглецовъ изъ занятаго германцами Калиша. Запуганные и разбитые бѣглецы разсказываютъ о безчеловѣчныхъ жестокостяхъ германцевъ по оношенію къ мирному населенію города.

Германцы прибыли въ Калишъ 21-го іюля вечеромъ. Навстрѣчу имъ вышелъ президентъ города Буковицкій съ двумя гражданами, держа въ рукахъ бѣлый флагъ.

Утромъ 22-го іюля по городу были расклеены прокламаціи за подписью маіора Праскера (коменданта), въ которыхъ населеніе призывалось къ спокойствію и въ которыхъ была обѣщана личная и имущественная безопасность. Въ прокламаціяхъ далѣе

требовалась выдача оружія въ теченіе сутокъ и предписывалось закрывать магазины въ 8 часовъ вечера. Въ концѣ прокламаціи говорилось, что воры и поджигатели будутъ караться смертью.

День 22-го іюля прошелъ спокойно. Только въ 12 часовъ ночи жители услышали стрѣльбу. Никто не зналъ, кто и гдѣ стрѣляютъ.

23-го іюля утромъ германцы расклеили прокламацію, въ которой объявлялось, что, такъ какъ жители Калиша стрѣляли въ нѣмецкихъ солдатъ, то на городъ налагается контрибуція въ размѣрѣ 50-ти тысячъ рублей, и, кромѣ того, шесть виднѣйшихъ представителя города забираются въ видѣ заложниковъ, а если стрѣльба повториться, ихъ разстрѣляютъ, и городъ будетъ бомбардированъ. Заложниками взяли православнаго священника двухъ ксендзовъ, одного еврейскаго раввина и двухъ еврейскихъ богачей-благотворителей—Майзлера и Френкеля.

Требуемые 50,000 руб. были сейчасъ же внесены, причемъ сумма эта была собрана слѣдующимъ образомъ: варшавскій коммерческій банкъ далъ 15,000 руб., рижскій коммерческій банкъ—10,000 р., общество взаимнаго кредита—10,000 р., а остальные дали зажиточные жители.

Домъ № 2 по Влоцлавской ул., изъ котораго будто бы стрѣляли, подвергся бомбардировкѣ. Домохозяинъ еврей Роттъ, его шестеро сыновей, а также всѣ жильцы арестованы.

Въ тотъ же день появилась новая прокламація, въ которой населеніе призывалось къ успокоенію и въ которой предписывалось открыть магазины и устроить вечеромъ иллюминацію.

Населеніе безпрекословно исполнило всѣ требованія германцевъ.

24-го іюля, по неосторожности германцевъ, когда пускались ракеты, у зданія магистрата вспыхнулъ пожаръ. Сгорѣли зданіе магистрата, базаръ и много частныхъ домовъ.

25-го іюля днемъ совершенно неизвѣстно за какія провинности, началась бомбардировка города, продолжавшаяся всю ночь.

Всѣ заложники разстрѣляны.

Видя такое отношеніе къ мирнымъ жителямъ, населеніе въ паническомъ страхѣ начало бѣжать.

Сцены отчаянія, по разсказамъ очевидцевъ, не поддаются описаніямъ.

Еврейскій раввинъ, несмотря на субботній день, разрѣшилъ уйти изъ города.

Собралась огромная толпа. Старики, женщины и дѣти, оборванные, босые, голодные, оставили городъ, направляясь неизвѣстно куда.

Всѣ дороги, ведущія изъ Калиша, были полны бѣглецами.

Послѣ 2-дневныхъ мытарствъ болѣе счастливые добрались до Варшавы. Многіе пѣшкомъ направляются въ ближайшія мѣстечки.

Кромѣ заложниковъ, германскими пулями убиты 80-лѣтній старикъ Израиль Фриде, братья Брензель, дѣвица Займъ и много др.

Прибывшіе изъ многострадальнаго Калиша г-жа Качковская и г. Гловацкій передаютъ слѣдующія подробности нашествія нѣмцевъ на Калишъ.

Въ Калишѣ еще не былъ извѣстенъ манифестъ объ объявленіи войны, когда пруссаки вошли уже въ городъ. Калишъ не былъ „сданъ", а былъ просто „занятъ".

Первый вопросъ, предложенный немецкими офицерами городской депутаціи, былъ о томъ, сколько денегъ въ правительственномъ казначействѣ и въ городской кассѣ, и есть-ли въ городѣ казаки. На это послѣдовалъ отвѣтъ, что о деньгахъ депутація не освѣдомлена, а казаковъ нѣтъ. Въ это время на перекресткѣ показался конный стражникъ, повидимому, въѣхавшій въ городъ, не зная, что Калишъ занятъ нѣмцами. Увидя стражника, въ рукахъ котораго была нагайка, пруссаки въ испугѣ закричали: „Teufel! Die Kasaken kommen". („Чортъ! идутъ казаки"), но скоро замѣтили свою ошибку, арестовали стражника и тутъ же разстрѣляли его, какъ шпіона, а вѣрнѣе въ отместку за испугъ.

Казначей Соколовъ былъ разстрѣлянъ за то, что, давая объясненія о сожженіи кредитныхъ билетовъ и ассигновокъ, имѣющихъ военный характеръ, сказалъ: „Я исполнялъ волю моего начальства". На это германскіе офицеры возразили: „Здѣсь начальство только мы",—и постановили за открытое неповиновеніе законнымъ властямъ предать мятежника казни. Соколовъ былъ разстрѣленъ съ незавязанными глазами. Онъ умеръ героемъ. Передъ смертью онъ попросилъ развязать ему руки, чтобы перекреститься въ послѣдній разъ. Но ему въ этомъ отказали.

Обывателямъ немедленно было приказано выдать все оружіе. Начались обыски. Были случаи, когда подъ видомъ оружія конфисковались серебряные ножи и вилки. Избіеніе горожанъ началось на третій день. Въ квартиры нѣмцы не врывались, опасаясь засадъ, но стрѣляли въ окна и вдоль улицъ, а затѣмъ началась бомбардировка города. Чѣмъ она была вызвана, совершенно неизвѣстно. По приговору полевого суда: „за мятежъ и шпіонство" разстрѣляно около ста человѣкъ. Въ томъ числѣ разстрѣляны священникъ, два ксендза и раввинъ.

Массоваго изнасилованія польскихъ дѣвушекъ, о чемъ сообщалось въ газетахъ, не было, но отдѣльные случаи посягательствъ на женскую и дѣвичью честь имѣли мѣсто. Между прочимъ, на глазахъ отца были изнасилованы двѣ еврейскія дѣвушки.

Отецъ въ гнѣвѣ сказалъ, что такъ поступали лишь воины Навуходоносора и что какъ тогда, такъ и нынѣ Господь накажетъ насильниковъ. За это еврей былъ разстрѣлянъ.

Лейтенантъ требовалъ отъ дѣвицы Зеймъ, въ домѣ родителей которой ему было отведено помѣщеніе, чтобы она ему отдалась, увѣряя, что этимъ онъ дѣлаетъ ей честь, такъ какъ она, благодаря его ласкамъ, родитъ первая въ Калишѣ будущаго подданнаго Германской имперіи. За это дерзкое предложеніе дѣвица Зеймъ дала лейтенанту пощечину и была разстрѣляна.

Разстрѣляли и двухъ ея братьевъ.

Въ православную церковь и въ костелы пруссаки входили въ каскахъ и искали на святыхъ престолахъ не спрятано-ли тамъ оружіе.

Ушли нѣмцы, а въ городѣ остались руины, трупы и осиротѣлыя и опозоренныя семьи.

Пріѣхавшій изъ Калиша въ Петербургъ студентъ лѣсного института Жилкинъ разсказываетъ потрясающіе фахты, характеризующіе вандализмъ германскихъ войскъ, занявшихъ 20-го іюля Калишъ.

Первые два дня прусскія войска заняли выжидательную позицію и внѣшнимъ образомъ хотѣли примирить населеніе со своимъ появленіемъ.

Патріотически настроенные русскіе и польскіе граждане не могли скрыть своихъ чувствъ къ германскимъ солдатамъ.

22-го іюля нѣмцы заявили, что будто бы на Вацлавской ул. изъ какого-то дома въ нихъ былъ пущенъ выстрѣлъ изъ револьвера.

На самомъ дѣлѣ, какъ заявляетъ г. Ж. провѣрившій подробно этотъ фактъ, ничего подобнаго не было. Такъ же категорически опровергаетъ завѣреніе нѣмецкихъ офицеровъ, будто бы въ нихъ не стрѣляли, а кидали камнями.

Нѣмцы воспользовались этимъ, чтобы устроитъ мирному калишскому населенію кровавую баню.

По словамъ г. Ж., точно по данному сигналу германскія войска приступили къ разгрому города.

Солдаты разсыпались по домамъ, производя обыски и отнимая подъ угрозой разстрѣла всякое находившееся въ домахъ оружіе.

Нѣмецкіе офицеры потребовали, чтобы немедленно была разоружена и полиція.

Въ это же время были разстрѣляны всѣ жильцы дома на Вацлавской улицѣ.

Когда пруссаки убѣдились, что городъ обезоруженъ, они стали обстрѣливать изъ пулеметовъ отдѣльные дома.

Затѣмъ, въ теченіе 22-го, 23-го и 24-го іюля нѣмецкіе солдаты арестовывали все мужское населеніе Калиша, уводя калишанъ на прусскую территорію.

Въ эти же дни, врываясь въ дома, нѣмецкіе солдаты вырывали дѣтей изъ материнскихъ рукъ. Женщинамъ, которыя старались защитить своихъ ребятъ, отрубались руки и головы тесаками.

Лично г. Ж. встрѣтилъ потомъ женщинъ, полуобезумѣвшихъ отъ пережитыхъ ими въ эти ночи трагедій.

Случаи изнасилованія нѣмецкими солдатами дѣвушекъ насчитываются сотнями.

Варѳоломѣеву ночь нѣмецкія войска устроили въ Калишѣ съ 25-го на 26-е іюля. Съ 11 час. вечера до 5 час. утра Калишъ обстрѣливался нѣмецкой артиллеріей шрапнелью.

По Калишу было выпущено, по подсчетамъ одного старика, бывшаго артиллериста, около 423 выстрѣловъ, причемъ не по-

щажены были ни костелъ св. Іосифа, ни богодѣльня еврейской общины (домъ старцевъ), ни больница Св. Троицы.

Трупы валялись на улицѣ въ теченіе 3-хъ дней. Пруссаки не позволяли хоронить ихъ.

Картина Калиша послѣ бомбардировки была ужасна, на улицахъ валялись сотни труповъ, разлагавшихся подъ знойными солнечными лучами.

Рядомъ съ людскими трупами валялись сотнями разстрѣлянные кони, коровы и свиньи.

Издѣваясь надъ населеніемъ, нѣмецкіе офицеры нарочно кидали падаль подлѣ погибшихъ людей.

Въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ напечатанъ трогательный разсказъ сына казначея Соколова, разстрѣляннаго въ Калишѣ.

„Въ Петербургъ пріѣхала осиротѣвшая семья калишскаго казначея Соколова, звѣрски убитаго нѣмцами за геройское исполненіе своего служебнаго долга. Вдова съ пятью дѣтьми, изъ которыхъ старшему 15 лѣтъ, а младшему всего 1 годъ и 1 мѣсяцъ, пріѣхала хлопотать о дальнѣйшей участи сиротъ. Ея мечта—устроить мальчика въ Морскомъ корпусѣ, а дѣвочекъ—въ Смольномъ институтѣ. Сама она также бывшая смолянка...

Старшій мальчикъ только-что перешелъ въ 5-й классъ гимназіи. Свѣжее русское личико. Съ изумительной выдержкой разсказывалъ онъ въ редакціи „Биржевыхъ Вѣдомостей“ о кошмарныхъ картинахъ, развертывавшихся на его глазахъ.

— Это было во вторникъ, 22-го іюля, въ 2 часа дня. Папа легъ отдохнуть. На улицѣ вдругъ раздались крики—кто-то бѣжалъ, прятался. Въ нашу дверь раздался рѣзкій стукъ, какъ будто начали ломать ее. Мама крикнула имъ:

— Не надо ломать дверь, я отопру!

Глядя въ сторону выпуклыми голубыми глазами, мальчикъ мужественно продолжаетъ свой разсказъ о томъ, какъ вошедшій офицеръ, окруженный четырьмя солдатами, направилъ револьверъ на г-жу Соколову и началъ сердито кричать что-то непонятное. Можно было понять только слово „Сохоловъ“. Въ отвѣтъ на заявленіе г-жи Соколовой, что она ничего не понимаетъ, офицеръ еще болѣе сердито крикнулъ по-русски: „мужъ!.

Г-жа Соколова указала рукой на спальню. Нѣмцы моментально бросились туда, извлекли Соколова, полуодѣтаго.

Офицеръ и два солдата повели его куда-то, а оставшіеся приступили къ обыску кабинета и передней: взломали сундукъ, разгромили всю обстановку, посуду...

Наконецъ, одинъ изъ солдатъ сказалъ по-нѣмецки:

— Нечего здѣсь терять время!

Ушли...

— Мы бросились вдогонку, но солдаты насъ не пустили, сказали, что черезъ полчаса папу отпустятъ. Окольными путями мы пробрались къ коменданту, спрашиваемъ: гдѣ папа? Комендантъ говоритъ:

— Поищите между трупами, которые валяются около магистрата. Если его тамъ нѣтъ, то живъ!

— Бросились мы къ магистрату, а тамъ часовые не пускаютъ. Мы имъ сказали, что получили разрѣшеніе коменданта. Тогда насъ пропустили. Смотримъ,—лежитъ папа на землѣ, какъ будто въ обморокѣ, но когда наклонились къ нему, то увидѣли дырку около уха...

Здѣсь голосъ мальчика какъ будто измѣняетъ ему, но онъ быстро справляется съ собой и продолжаетъ съ прежней выдержкой

— Хоронить его намъ не позволили. Потомъ намъ говорили, что нѣмцы сильно мучили папу,—пытали, вывертывали руки и не позволили хоронить потому, что не хотѣли, чтобы мы видѣли слѣды пытокъ.

Это весьма возможно, потому что остальные пять труповъ, валявшіеся возлѣ папы, были страшно изуродованы. На одномъ трупѣ видна была только челюсть—остальная часть головы представляла собою какую-то кашу. На другомъ трупѣ была штыковая рана въ спинѣ, и валялись клочья мяса...

Трупы валялись 3 дня.

Только когда нѣмцы вышли изъ Калиша, трупы были собраны и погребены въ общей могилѣ. Обрядъ погребенія совершалъ ксендзъ, потому что протоіерей былъ взятъ нѣмцами въ плѣнъ.

— Послѣ смерти отца мы прожили въ Калишѣ еще три дня. Особенно страшна была ночь съ пятницы на субботу. Нѣмцы стрѣляли по городу шрапнелями, поджигали дома и керосиновые склады. Городъ горѣлъ въ 6 мѣстахъ. Бѣглецами было усыпано все шоссе, но нѣмцы навели пулеметы вдоль шоссе и стрѣляли въ бѣгущихъ. Мы пробовали нанять лошадей, чтобы выѣхать, но едва выѣхали на шоссе, какъ подъ пулями упала лошадь, потомъ упалъ ямщикъ съ прострѣленной грудью. Мы бросились къ садамъ. Пули пролетали со свистомъ на такомъ близкомъ разстояніи, что на мнѣ блуза колыхалась. Въ саду надъ головой разорвалась шрапнель, и яблоки съ дерева кругомъ посыпались...

— Въ субботу выбрались задворками въ поле и пошли до Турека пѣшкомъ; маленькихъ несли на рукахъ. Потомъ вернулись домой за вещами—захватили только корзину съ бѣльемъ и чемоданъ. Недалеко отъ Калиша наткнулись на нѣмецкій патруль. Бросили вещи, разбѣжались. Нѣмцы перерыли корзину и чемоданъ, но ничего не тронули и ушли. Добрались до Турека, потомъ до Ловича, а тамъ ужъ по желѣзной дорогѣ въ Варшаву.

— Какіе у васъ солдаты были: нѣмцы или познанцы?

— Сначала были познанцы. Они къ намъ всѣ очень хорошо относились,—показывали оружіе, пули, объясняли, какъ далеко стрѣляютъ, говорили, откуда пришли и гдѣ остановились. За эти разговоры ихъ потомъ убрали. Одному познанцу нѣмецкій офицеръ велѣлъ стрѣлять въ поляка, познанецъ началъ умолять, чтобы его избавили отъ этого:

— Я не могу стрѣлять въ своихъ!

— Нѣмецкій офицеръ выхватилъ револьверъ и тутъ же застрѣлилъ его. Когда убрали познанцевъ,—пришли саксонцы...

Въ Варшаву прибылъ Красинскій, сынъ мѣщанскаго старосты городка Андреева, куда пришли австрійскіе отряды.

Гор. Андреевъ находится на линіи Олькушъ-Кѣльцы.

Когда прибыли австрійскіе отряды, часть жителей успѣла уже убѣжать въ Кѣльцы, но съ оставшимися австрійцы жестоко расправились.

Первымъ попался имъ въ руки мѣщанскій староста Антонъ Красинскій, почтенный почти 70-лѣтній старикъ. У него потребовали всѣ суммы, находящіяся въ его распоряженіи.

Староста заявилъ, что у него не имѣется никакихъ суммъ.

Тогда солдаты, по приказанію офицера, поволокли старика въ мѣщанское управленіе. На пути къ нему на помощь бросился знакомый купецъ, Ратай, который былъ немедленно разстрѣлянъ изъ револьверовъ тремя присутствовавшими при этомъ офицерами.

Нѣмцы произвели тщательный обыскъ въ помѣщеніи мѣщанской управы и, ничего не найдя, заперли старика Красинскаго въ чуланѣ, гдѣ хранился архивъ, и подожгли бумагу. Домъ сгорѣлъ, и въ немъ погибъ староста.

Въ случайно выглядывавшихъ изъ оконъ жителей австрійскіе солдаты стрѣляли, причемъ былъ убитъ трехлѣтній ребенокъ почталіона.

Отрядъ, производившій эту драгонаду, достойную варваровъ, принадлежалъ къ частямъ кавалерійской дивизіи изъ-подъ Брюна.

Настоятель вержболовской церкви и законоучитель вержболовской гимназіи передаетъ о тѣхъ неистовствахъ нѣмцевъ, которыя они проявили во время кратковременнаго занятія Вержболова. Дома были разгромлены, имущество разграблено, въ томъ числѣ разгромленъ былъ домъ и самого священника. Жители своевременно бѣжали, спасая лишь жизнь и жизнь дѣтей, оставляя имущество на произволъ судьбы. Передъ уходомъ населенія былъ отслуженъ въ церкви молебенъ. Населеніе трогательно прощалось со своимъ храмомъ, не только цѣлуя иконы, но даже полъ и порогъ церковный.

Нѣмцы ограбили и осквернили церковь.

Послѣ занятія безъ боя Ченстохова нѣмецкія войска вошли въ Ченстоховскій монастырь и въ храмъ, гдѣ хранится чудотворная икона Божіей Матери, чтимая православными и католиками.

Они осквернили храмъ и ограбили чудотворную икону.

На икону Божіей Матери жертвовали католики и православные въ теченіе шести вѣковъ.

Въ Ясногорскомъ монастырѣ хранятся тысячи пудовъ серебра и золота, жертвованнаго паломниками.

Кромѣ драгоцѣннаго металла, находящагося въ монастырѣ, на самой иконѣ имѣется цѣлая сокровищница.

Огромное количество жемчуговъ, брилліантовъ и драгоцѣнныхъ камней украшаетъ ризу и вѣнецъ иконы.

Среди этихъ камней находятся, большой рѣдкости, имѣющія огромную цѣнность: жемчужина пожертвованная канцлеромъ

княземъ Любомирскимъ, и подаренная ему турецкимъ посломъ; гигантскій рубинъ изъ рукоятки ятагана, отбитаго королемъ Яномъ Собѣсскимъ подъ Вѣной; изумрудъ, вѣсящій болѣе 300 каратовъ, пожертвованный неизвѣстнымъ лицомъ, опустившимъ его въ 1612 году въ кружку для сбора пожертвованій.

Культурныя нѣмецкія войска ограбили святыню; солдаты и офицеры насиловали женщинъ въ храмѣ Божіемъ.

Не говоря уже о крайней наглости германцевъ выразившейся въ попыткѣ задержанія въ качествѣ военно-плѣннаго престарѣлаго больного Великаго Князя и непропускѣ поѣзда вдовствующей Государыни Императрицы МАРІИ ФЕОДОРОВНЫ— жалобы на недопустимыя съ точки зрѣнія хотя бы самой обыденной этики нарушенія международнаго права и дипломатическихъ традицій раздаются со всѣхъ сторонъ.

Въ Торнео возвращавшіеся изъ-за границы Русскіе застали экстренный поѣздъ, который привезъ изъ Петербурга чиновъ австрійскаго посольства. Проводники поѣзда съ возмущеніемъ разсказывали о поведеніи австрійцевъ въ пути. На всѣхъ станціяхъ они ѣли и пили и ни за что не платили. Брали ѣду и съ собой въ поѣздъ, и посуду потомъ выбрасывали за окно. Въ Торнео русскимъ пассажирамъ былъ предоставленъ поѣздъ австрійскаго посольства, но австрійцы ни за что не хотѣли уходить изъ поѣзда, заявляя, что они останутся ночевать въ вагонахъ. Съ трудомъ начальнику станціи удалось уговорить австрійцевъ переѣхать въ гостиницу.

Нѣмцы стараются замѣнить оторванныхъ отъ мирнаго труда пахарей русскими рабочими, пріѣхавшими въ Германію на лѣтніе заработки. Характерный фактъ, рисующій германскую культуру: германскія власти задержали около 50 тысячъ русскихъ рабочихъ и подъ угрозой немедленнаго разстрѣла заставляютъ ихъ заниматься уборкой хлѣбовъ.

О жестокостяхъ и звѣрствахъ чинимыхъ нѣмцами уже теперь имѣется цѣлый рядъ провѣренныхъ свидѣтельскими показаніями свѣдѣній, цѣлый синодикъ жертвъ проявленій „германской культурности“.

Московскій купецъ Х—нъ передалъ намъ, что на одной изъ станцій вблизи Берлина, при подходѣ поѣзда, женщина съ груднымъ ребенкомъ передъ окнами вагоновъ со слезами молила впустить ее въ вагонъ. Не успѣла она войти, какъ проводникъ захлопнулъ дверь отъ вагона, причемъ отбилъ ей четыре пальца правой руки.

Крикъ женщины огласилъ весь вагонъ. Возмущенные Русскіе, при отходѣ поѣзда, бросили графинъ съ водой въ голову проводника. На слѣдующей станціи въ вагонъ вошли полисмэны, которые задержали по подозрѣнію двухъ пассажировъ.

Среди русскихъ рабочихъ бѣжавшихъ изъ Германіи и возвратившихся черезъ Торнео въ Россію много больныхъ и совершенно разоренныхъ нѣмцами людей.

Тяжелое впечатлѣніе произвело появленіе пожилого рабочаго, прибывшаго съ однимъ изъ поѣздовъ и, видимо, получив-

шаго отъ жестокаго съ нимъ обращенія пруссаковъ тяжелый нервный ударъ.

Несчастный вырывался изъ рукъ товарищей и, увидя подошедшихъ къ нему членовъ комитета, съ криками: „Это—нѣмцы! Это—нѣмцы!“ пытался убѣжать.

Одна прибывшая изъ Германіи женщина разсказываетъ, что ее на другой день послѣ родовъ въ буквальномъ смыслѣ выкинули на мостовую противъ родильнаго дома.

Другіе русскіе путешественники и рабочіе разсказываютъ, что ихъ съ переломами ногъ, съ острыми и тяжелыми болѣзнями выгоняли изъ клиникъ и частныхъ больницъ, причемъ внесенныя деньги никому не были возвращены.

О проявленіяхъ звѣрства по отношенію къ нашимъ союзникамъ мы имѣемъ пока конечно лишь отрывочныя и краткія свѣдѣнія, но и они достаточны, чтобы презрѣніе, выказываемое теперь всѣми наглымъ насильникамъ, не могло считаться незаслуженнымъ.

Католическій священникъ въ Муанвилѣ былъ разстрѣлянъ, по слухамъ, за то, что онъ ударилъ въ колокола, чтобы предостеречь французскія войска.

Французское военное министерство сообщаетъ: „Молодой французъ показалъ подъ присягой слѣдующее: „Проведя лѣто въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ и желая вернуться въ моментъ объявленія войны, онъ былъ задержанъ на Лоррахскомъ вокзалѣ вмѣстѣ съ другими французами и 3-мя русскими путешественниками. Они были затѣмъ проведены черезъ городъ подъ конвоемъ солдатъ среди криковъ народа. Одинъ изъ Французовъ воскликнулъ: „Да здравствуетъ Франція!“ и былъ разстрѣлянъ.

Три молодыхъ Француза, которые энергично протестовали, были также разстрѣляны. 5-й Французъ, который назвалъ нѣмцевъ низкими убійцами, испыталъ ту же участь. Остальные путешественники могли продолжать путь по желѣзной дорогѣ въ Швейцарію въ сопровожденіи вооруженныхъ солдатъ. Во время пути раздавались выстрѣлы въ сосѣднемъ вагонѣ. Двое пассажировъ изъ этого вагона заявили французскому юношѣ, что нѣмцы убили двухъ Итальянцевъ между станціей Вальсдсгутъ и Иммендигенъ. Одинъ убитъ за то, что протестовалъ противъ открыванія оконъ; другой же за то, что толкнулъ нѣмецкаго солдата, который сѣлъ на него. Русскіе путешественники, ѣхавшіе тѣмъ же путемъ, подтвердили французскому юношѣ убійство двухъ Итальянцевъ“.

Каждый день приноситъ новости о невѣроятныхъ жестокостяхъ нѣмцевъ. Они сжигаютъ до тла бельгійскія деревни. Нѣмцы подожгли пограничную французскую деревню Афлевилль въ то время, когда поселяне были въ церкви.

Нѣмцы угрожаютъ разстрѣломъ бельгійскимъ крестьянамъ, если тѣ не пожелаютъ стрѣлять въ своихъ.

Комендантъ крѣпости Мезьеръ донесъ военному министерству: „Я отправился въ мезьерскій госпиталь, чтобы посѣтить и ободрить раненыхъ. При этомъ одинъ изъ раненыхъ офице-

ровъ заявилъ мнѣ, что 26 іюля, около 1 ч. 30 м. дня его рота понесла нѣкоторыя потери и должна была отступить, такъ что онъ остался одинъ на полѣ сраженія съ нѣсколькими другими ранеными. Тутъ онъ увидѣлъ, какъ германскій кавалеристъ приканчивалъ револьверными выстрѣлами раненаго стрѣлка. Самъ офицеръ избѣгъ смерти лишь потому, что притворился мертвымъ. Онъ слышалъ пять или шесть револьверныхъ выстрѣловъ, но не видѣлъ, въ кого они были направлены. Другой раненый стрѣлокъ той же роты также слышалъ револьверные выстрѣлы и нѣсколько другихъ стрѣлковъ подтвердили сообщенные факты. Подобныя проявленія дикости не требуютъ комментаріевъ и должны быть оповѣщены всему міру".

Спеціальный комитетъ, организованный въ Бельгіи для установленія фактовъ нарушенія нѣмцами международнаго права и обычаевъ войны, сообщаетъ:

„Въ ночь на 6-е августа около 100 нѣмецкихъ солдатъ, подойдя на 175 метровъ къ нашимъ траншеямъ, побросавъ оружіе, подняли руки вверхъ и выставили бѣлый флагъ. Командовавшій бельгійскимъ отрядомъ приказалъ прекратить огонь и отправился къ нимъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ. Не успѣлъ онъ подойти на 100 метровъ, какъ его поразила пуля".

Въ Парижъ доставлено 70 нѣмецкихъ солдатъ, обвиняемыхъ въ мародерствѣ. Со знакомъ Краснаго Креста на рукавахъ они грабили раненыхъ на полѣ сраженія.

По разсказамъ раненыхъ въ сраженіи при Ланинѣ, при отступленіи австрійцы убивали дѣтей, насиловали женщинъ, разстрѣливали медицинскій персоналъ. Офиціально подтверждается, по свѣдѣніямъ «Русс. Сл.", что найдено около 15 дѣтскихъ труповъ съ выколотыми глазами.

Заключаемъ „Черную книгу" эту сообщеніемъ помѣщеннымъ въ „Рѣчи":

Въ Кенигсбергѣ покончила жизнь самоубійствомъ классная наставница виленской женской" Маріинской гимназіи Вѣра Полякова, лѣчившаяся въ Киссингенѣ. Въ день объявленія войны ее выслали изъ Кенигсберга. Жестокое обращеніе нѣмцевъ расшатало ея нервы. Она не перенесла оскорбленій и повѣсилась въ номерѣ гостиницы. Покойной пятьдесятъ лѣтъ.

Чаша испытаній еще не выпита до дна. Въ эту книгу вошелъ лишь безъискусственный разсказъ о первомученикахъ нашего крестоваго похода за освобожденіе народовъ отъ германскаго ига.

Это—отчетъ о страданіяхъ и пролитой крови беззащитныхъ. Лѣтопись о подвигахъ героевъ, которые отомстятъ за нихъ—еще творится.